

СУМРАЧНАЯ ДАМА

ЛАУРА МОРЕЛЛИ

Восхитительная история для поклонников
Кристин Ханны и Энтони Дорра

Роман с искусством

Лаура Морелли
Сумрачная дама

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Морелли Л.

Сумрачная дама / Л. Морелли — «Издательство АСТ»,
2020 — (Роман с искусством)

ISBN 978-5-17-147652-6

Что скрывает таинственная «Дама с горностаем»? Италия, 1492 год. Красавица Чечилия Галлерани становится любовницей герцога Милана. Девушка должна бороться за свое место во дворце и противостоять тем, кто ждет ее скорого изгнания. Вскоре герцог поручает Леонардо да Винчи написать портрет юной Чечилии... Германия, Вторая мировая война. Реставратор Эдит Беккер невольно отдает картину «Дама с горностаем» высокопоставленному немецкому чиновнику. Теперь ей предстоит сделать все возможное и невозможное, чтобы вернуть ее вместе со всеми украденными произведениями искусства, за хранение которых она отвечала... Какая судьба ждет юную Чечилию при дворе герцога? И на что пойдет отчаянная Эдит, чтобы спасти «Даму с горностаем»? Захватывающий роман о женщинах, связанных одной картиной, но разделенных пятью веками...

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147652-6

© Морелли Л., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть I. Машины войны	6
1	6
2	8
3	13
4	18
5	22
6	24
7	27
Часть II. Страшная сила	29
8	29
9	31
10	35
11	37
12	40
13	44
14	48
15	51
16	53
17	55
18	59
19	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лаура Морелли

Сумрачная дама

Максу и всем, кто тоже работает во имя добра.

Laura Morelli
THE NIGHT PORTRAIT

Copyright © 2020 by Laura Morelli
© Камина Т., Ребиндер Т., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть I. Машины войны

1

Леонардо

Флоренция, Италия

Февраль 1476

Темная шахта в склоне холма. Я мысленно вижу ее.

Я вижу, как люди заряжают черный порох в конце длинного коридора – забытого углубления под городскими укреплениями.

Думаю, с этой задачей лучше всего справятся те, кто днем добывает уголь. Эти люди привыкли трудиться в духоте, в темноте, с осторожностью используя фонарь и кирку. Их пальцы и щеки всегда черны, а штаны постоянно вымазаны засохшей землей и углем. Какая служба может подходить им лучше, чем служба в осаде?

Они храбры, я уверен – как иначе продвигаться в полной темноте с поднятыми над головой фонарями? Тихо, не вызывая подозрений, они выгружают черный песок в дальние уголки шахты. При их появлении орудийный стрелок бесшумно поворачивает колесо на шестеренках, продвигая машину вперед в шахту. Горожане разбегаются в хаосе, камни падают – и вот враг уже попал в западню атакующего.

Конечно, я вынужден признать, что это сооружение существует только в моем воображении. Но я просто обязан перенести его на бумагу. Эти замыслы, эти машины. Из-за них я не сплю долгие часы после того, как солнце окрасит Арно¹ золотым цветом, а потом опустится за холмы. Мои сны заполнены этими приспособлениями. Я просыпаюсь в поту и отчаянно стараюсь перенести их на бумагу, пока они не рассеялись, как первый утренний туман на реке.

Что окружает меня на самом деле – это моя старая комната, тлеющий огонь в очаге, листы пергамента, сложенные на столе шаткими стопками, чернильницы, от которых пахнет металлом, масляные лампы с обугленными фитилями да вечно меняющаяся компания ленивых котов. На дверь я повесил железный засов от тех, кто называет себя моими друзьями и норовит заманить в таверны. Они-то – хозяева жизни!

А у меня есть задачи поважнее. Если я не поймаю их на страницы своих записных книжек, они разлетятся, как упущенные из сети разноцветные бабочки.

Не будем обращать внимание на досадную помеху на моем мольберте. Мою неумелую попытку изобразить невзрачную дочку торговца. Теперь она пялится на меня из другого угла комнаты. Недовольна, на что у нее есть полное право. Ее отец попросил меня изобразить ее красивой, чтобы отправить портрет одному потенциальному жениху в Умбрии. Говоря по правде, у меня не лежит сердце к этому делу, но с оплатой не поспоришь. Хлеб и вино на стол должны откуда-то браться. И тем не менее темпера на дощечке из тополя давно высохла. Я задерживаю занавеску на портрете, чтобы укоризненный взгляд девушки меня больше не отвле-

¹ Река во Флоренции.

кал. Не терпится вернуться к чертежам! Убедить бы патрона платить мне за военные машины, а не за профиль его дочери...

А есть еще и мое участие в незаконченных произведениях учителя. Ангел и пейзаж для крещения Христа. Монахи уже несколько месяцев докучают мастеру Верроккьо². Мадонна с младенцем, честно говоря, написана не по вдохновению, а по заказу знатной дамы, живущей около Санта-Мария-Новелла³. От нее уже пришло второе письмо – спрашивает, когда работа будет доставлена.

Как я могу позволить себе отвлекаться на все это, когда есть так много другого, что захватило мое воображение? Возвращаюсь к записным книжкам.

А почему тоннели? Вот о чем они меня спросят, эти люди, которые так же много думают о войне, как я. Но я уже это обдумал. Как изумлен будет враг, если атакующие появятся прямо из-под земли, чтобы напасть на него! Он увидит, что вал, приводящий в движение машину, позволяет ей плавно, без усилий и без звука поворачиваться в извилистых шахтах под землей. А если эти шахты не взрывать, какие сокровища там можно спрятать от тех, кто попытался бы украсть их! Глубокие подземные запасы меди, угля и соли.

Врагов надо держать близко, как говорится.

Но что я знаю? Я всего лишь тот, кто все это воображает и переносит свои фантазии на бумагу. Тот, кто верит, что иногда искусство должно служить войне.

Я беру карандаш с серебряным кончиком и снова принимаюсь рисовать.

² Андреа Верроккьо – итальянский скульптор эпохи Возрождения.

³ Храм во Флоренции.

2

Эдит

Мюнхен

Сентябрь 1939

Эдит Бекер надеялась, что окружающие ее мужчины не видят, как трясутся ее руки.

В любой другой четверг она сидела бы за мольбертом в подвальной реставрационной мастерской, в своих увеличительных очках, которые делали ее похожей на огромное насекомое. Там, в тишине, она потеряла бы всякий счет времени, с головой погрузившись в свое дело: реставрации древней картины, удалении наросшей за десятилетия грязи или восстановлении позолоты старой, потрескавшейся рамы. Ее работа – спасти, одно за другим, произведения искусства от разложения и гибели. Этому она училась, в этом было ее призвание. Работа всей ее жизни.

Но сейчас вот уже целый час все самые важные люди Пинакотеки, самого большого музея Мюнхена, сверлили ее взглядами. Они смотрели, как она развязывает папки и, один за другим, достает оттуда листы, на которых изображены картины из частных коллекций семей по всей Польше.

– Личность человека на портрете достоверно неизвестна, – сказала Эдит, передавая факсимиле портрета руки художника эпохи Итальянского Возрождения, Рафаэля Санти. Эдит наблюдала, как десятки глаз изучают внешность с недоверием смотрящего на зрителя пышно-волосого мужчины в меховом плаще на одном плече.

Эдит порадовалась, что сменила свое обычное потертое серое платье и реставраторский халат на самое элегантное, что у нее было: коричневую твидовую юбку с пиджаком. Она потратила время: уложила волосы так, чтобы они равномерно обрамляли ее скулы, и аккуратно натянула чулки так, чтобы стрелки сзади шли как можно ровнее. Она была в центре пристального внимания целой группы мужчин: тут был куратор по древностям, председатель совета директоров музея и даже сам директор музея, Эрнст Бюхнер, известный ученый, с которым Эдит до сегодняшнего дня никогда не общалась лично.

– Выдвигалось несколько предположений о личности модели, – сказала она. – Некоторые даже полагают, что это автопортрет художника.

В комнате, битком набитой музейными начальниками, Эдит была единственной женщиной. Она пожалела, что не попросила оставить ее в тишине мастерской, где последние несколько недель она работала над реставрацией большой батальной сцены руки мюнхенского художника шестнадцатого века Ганса Верля. Какой-то реставратор середины семнадцатого века закрасил фигурки людей и лошадей. Теперь Эдит кропотливо и методично удаляла верхний слой краски маленьким льняным тампоном, смоченным растворителем. Она увлеченно наблюдала, как сантиметр за сантиметром проявляются яркие пигменты, которые положил на холст сам художник. Она предпочла бы, чтобы ее не выставляли в центр внимания, а отпустили в мастерскую.

Она нервно окинула взглядом сидящих за столом и в конце концов остановилась на Манфреде – старом коллеге, секретаре музея. Манфред подбадривающе смотрел на Эдит поверх

маленьких круглых очечков, и это давало ей мужество продолжать. В этой комнате он был, скорее всего, единственным, кто понимал, как тяжело Эдит говорить перед подобной группой людей.

Эдит подумала, что Манфред также единственный из коллег, кто что-то знал о ее жизни вне музея. Он понимал, с какими трудностями сталкивается она, заботясь об отце, разум которого утасует день ото дня. Манфред был однокашником отца в Академии Высоких Искусств, и именно Манфред помог устроить прилежную, усердную дочь герра Бекера на работу в отдел реставрации. Эдит знала, что ей, женщине, необходимо держать свою личную жизнь в секрете, и даже не чтобы добиться профессионального успеха, а хотя бы чтобы просто не потерять работу. Ободряющая улыбка Манфреда помогла ей унять дрожь в руках.

– Шедевр, – сказал председатель совета директоров, осторожно разглядывая факсимиле картины Рафаэля Санти. – Я вижу, что семья Чарторийских имела впечатляющее стремление к коллекционированию итальянских картин.

– Безусловно. – Эдит тоже была поражена, когда узнала, сколько сокровищ хранилось взаперти в замках, монастырях, музеях и частных домах в восточных землях. За границей с Польшей находились огромные, пополняемые веками семейные коллекции. Коллекция семьи князя Чарторийского также была одной из таких скрытых сокровищниц неизмеримой ценности.

И вот теперь Эдит начала понимать, для чего она столько часов, дней и недель провела в архивах и книгохранилищах музея. Ей поручили составить для совета директоров этот обзор работ польских коллекционеров. Странно, что это раньше не было очевидно. Кто-то хотел заполучить эти картины. Кто и почему?

– И вот последняя, – сказала она, доставая из стопки копий картин коллекции Чарторийских последний лист.

– Ее-то мы и ждали, – сказал герр директор Бюхнер, и его брови поползли к редким темным волосам, зачесанным от высокого лба к затылку.

– Да, – сказала Эдит. – Примерно в 1800 году, тогда же, когда Адам Ежи Чарторийский купил у итальянской семьи «Портрет молодого человека», он же купил «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи. Из Италии он отвез эти работы в свою семейную коллекцию в восточной Польше.

– И она до сих пор там? – спросил куратор по древностям, держа ручку в воздухе, будто сигарету. Это была его привычка со времен до недавнего запрета на курение в правительственных зданиях. Всего несколько месяцев назад, подумала Эдит, эта комната была бы вся в дыму.

– Нет, – сказала Эдит, радуясь, что перед встречей перечитала свои заметки. – Портрет «Дамы с горностаем» за последние сто лет часто переезжал. Во время польского восстания 1830-х годов семья отвезла его на хранение в Дрезден. Потом они вернули ее в Польшу, но там было по-прежнему беспокойно, поэтому картины перевезли в тайник в семейном дворце в Пелькине. Потом стало спокойнее, и семья направила его в частные апартаменты в Париже; это было где-то около 1840-х.

– А потом картина вернулась в Польшу?

– Да, со временем, – ответила Эдит. – Семья перевезла ее в Польшу в 1880-х. После этого ее, с большим шумом, выставили на обозрение. Именно тогда большинство людей узнало об этой картине, тогда ее начали изучать историки искусства. Несколько экспертов сразу опознали ее как работу руки да Винчи, и люди стали рассуждать о личности модели. Так и вышло, что теперь с нее так много, – Эдит жестом показала на стопку листов, – списков и репродукций.

– И кто же она? – спросил Бюхнер, постукивая толстыми пальцами по столешнице.

– Общепринятое мнение – что это была фаворитка герцога Миланского, девушка по имени Чечилия Галлерани, из сиенской семьи. Когда Людовико Сфорца заказал у да Винчи ее портрет, ей было, скорее всего, около шестнадцати лет. – Эдит наблюдала, как факсимиле

картины снова пошло по рукам вокруг стола. Мужчины погрузились в изучение черт девушки, ее живого выражения лица и белого пушистого создания у нее на руках.

– Во время Великой войны эта картина вновь оказалась в Германии, – продолжила Эдит. – Она для безопасности содержалась в Gemäldegalerie⁴ в Дрездене, но в конце концов вернулась в Краков.

– Именно так, – сказал герр директор Бюхнер, отдавая Эдит факсимиле. Она вернула его в толстую папку и принялась ее завязывать. – Фройляйн Бекер, ваше тщательнейшее предварительное исследование на службе этому проекту достойно самой высокой похвалы.

– Даже старший куратор не сделал бы лучше, – добавил куратор по декоративным искусствам.

– Danke schön.⁵ – Эдит наконец выдохнула. Она надеялась, что теперь они отпустят ее в мастерскую, и с нетерпением ждала момента, когда наденет свой рабочий халат и приступит к стабилизации французской картины, рама которой пострадала от воды, когда ей не повезло оказаться в кладовой под водопроводной трубой.

Generaldirektor⁶ Бюхнер встал.

– А теперь, – сказал он, глубоко вдохнув, – у меня объявление. Недавно меня лично посетил рейхсмаршал Геринг, который, как вы, возможно, знаете, по поручению нашего Фюрера занят поиском шедевров вроде тех, которые мы сегодня увидели. В Линце будет построен новый музей. Музей полностью финансируется нашим Верховным главнокомандующим, который, как вы знаете, лично интересуется высоким искусством и его сохранением. Когда музей в Линце будет завершен, он станет хранилищем для безопасного содержания всех самых важных произведений искусства, – Бюхнер замер и оглядел сидящих за столом, – в мире.

Все поражено ахнули. Эдит задумалась над этой новостью. Адольф Гитлер уже открыл Дом германского искусства, всего в паре минут ходьбы от ее мастерской. Они с Манфредом уже сходили посмотреть на произведения официально одобренных современных скульпторов и живописцев. Но теперь... Все самые важные произведения искусства под одной крышей, все – под патронажем Рейха. Это было трудно – почти невозможно – вообразить.

– Как вы можете себе представить, – сказал Бюхнер, выражая словами мысли Эдит, – это новое видение Фюрера станет масштабнейшим начинанием. Все мы, работники искусства, стали зрителями на службе охраны этих произведений. Сейчас, когда времена стали более... нестабильными... мы все должны внести свой вклад в это общее дело.

– Но это же безумие! – воскликнул куратор по древностям. – Все самые важные произведения искусства в мире? Германия будет контролировать культурное наследие всего мира? Кто мы такие, чтобы становиться зрителями такого достояния? И кто мы такие, чтобы забирать его с нынешних мест?

В помещении повисла невыносимая тишина, и Эдит задумалась, не пожалел ли уже куратор, что дал волю чувствам. Она наблюдала, как Манфред твердо водит пером, вырисовывая закорючки на полях листа, а левой рукой прикрывает рот, чтобы не заговорить.

Наконец молчание нарушил председатель совета директоров.

– Нет, Ганс, это достойное дело. У меня есть информация, что американцы планируют увезти ценные европейские картины и выставить их в еврейских музеях в Америке. В то же время, – сказал он, – идея Führermuseum⁷... гениальна. И в любом случае вы должны понимать, что это – лишь начало. Мы также составляем списки немецких произведений искусства,

⁴ Картинная галерея (нем.).

⁵ Большое спасибо (нем.).

⁶ Генеральный директор (нем.).

⁷ Музея фюрера (нем.).

захваченных за прошедшие столетия французами и англичанами. Все они в свое время будут репатрированы в Германию.

Эдит внимательно рассматривала лицо директора. Герр Бюхнер проигнорировал комментарии, встал и, хоть Эдит и заметила, как у него дернулись мышцы у основания шеи, спокойно продолжил:

– Все мы скоро получим приказы от должностных лиц Braunes Haus⁸. Мы будем работать с лучшими в Германии художниками, историками, кураторами и культурологами. Каждый из вас получит задание в соответствии с вашей специализацией. Многие, в том числе я сам, отправятся на места и будут собирать произведения и привозить их на хранение сюда или в другие музеи Германии.

– А что с работами, которые уже тут? – не смогла не спросить Эдит. – Реставрационная мастерская...

– Боюсь, что текущие проекты придется приостановить. Что касается самого музея, то мы уже начали перестановку хранимых у нас коллекций, чтобы освободить место для работ, которые будут к нам поступать, а также оборудовали дополнительное хранилище вне стен музея.

– Куда мы отправимся? – спросил куратор по древностям.

– Мы все получим индивидуальные приказы в конце недели, – сказал директор. – Фройляйн Бекер, думаю, высока вероятность, что вы отправитесь в Польшу. – Он указал жестом на папки, набитые собранными Эдит факсимиле.

Польша.

У Эдит замерло сердце.

– Н-но конечно же... – она запнулась. – Конечно же от нас не могут ожидать...

– Надолго? – перебил ее ассистент куратора.

Бюхнер пожал плечами, и Эдит снова увидела, как дергается мышца у него на шее.

– Пока не закончим работу. Сколько бы времени ни ушло. Война есть война.

После этого директор собрал со стола свои папки, кивнул и вышел из комнаты. За ним рядом потянулись работники музея.

Эдит вышла следом за ними. Дойдя до знакомой двери дамской уборной, она открыла ее и заперла за собой. Бросив коробку с бумагами на пол, она села на унитаз и сжала лицо ладонями. Она задыхалась и думала, что вот-вот потеряет сознание.

Польша? На неопределенный срок? Как она такое потянет? Кто будет заботиться об отце? А как же ее планы наконец-то, после стольких лет надежд, выйти замуж? Неужели ее правда призовут на фронт? С риском для ее жизни?

Спустя несколько долгих минут Эдит встала и побрызгала холодной водой на лицо и запястья. Выйдя из уборной, в коридоре она нашла не находящего себе места Манфреда.

– Ты как? – шепотом спросил он, беря ее под руку.

– Я... Честно говоря, я не знаю. Ах, Манфред... – Она выдохнула и остановилась, чтобы прижаться спиной к холодной плитке стены коридора. – Такие новости. Я едва в них верю. – Руки у нее все еще тряслись.

– Думаю, все мы сейчас в состоянии шока, – сказал он, – даже те из нас, кто... предвидели такой поворот событий.

Эдит сжала его руку. Она мало видела жизнь Манфреда вне музея, но знала, что он был организатором мюнхенской группы, известной своим сопротивлением решениям Рейха; их идеи распространялись невесомыми листовками, оставленными на скамейках в парке и пустых сидениях трамваев.

– Вы знали, что они планируют?

Манфред, крепко сжав губы, кивнул.

⁸ Коричневый дом – место, где располагалась штаб-квартира Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

– Generaldirektor уже приобрел несколько грузовиков картин, конфискованных у еврейских коллекционеров по всей Баварии. Не веришь мне – зайди на третий этаж. У меня в кабинете столько картин, что я до стола добраться не могу.

Эдит почувствовала, как широко раскрыла рот.

– Не могу себе представить. Но вы... Куда отправитесь вы?

– Держу пари, они оставят меня тут, составлять каталоги того, что прибывает. Я им нужен. К тому же я – воробей стреляный. – Он пожал плечами и вымученно улыбнулся. – Могло бы быть и хуже. Хоть не под огнем. Но ты, дорогая моя... Как ты справишься? Твой отец...

Эдит снова закрыла руками лицо.

– Даже не представляю себе, – сказала она. – Генрих. Мой жених. Тоже получил приказ в Польшу.

– Ах! – сказал Манфред, широко раскрыв глаза. – Но ведь зато вы отправляетесь в одно и то же место.

– Да, но... Heiliger Strohsack⁹! – громко прошептала она. – Я этого никак не ждала.

– Хотелось бы мне сказать то же самое, дорогая моя фройляйн реставратор, – сказал Манфред. – Ты слишком молода, чтобы помнить начало прошлой войны. И вот опять. Все то же самое, что мы можем сделать? Когда нас призывает Фюрер, у нас едва ли есть выбор. Нам пришлют повестки. Отказаться невозможно, а не то...

Манфред жестом показал на окно в конце коридора; за окном была площадь, на которой за последние месяцы силой позакрывали или даже сожгли еврейские магазинчики. Эдит знала, что в эту самую минуту еврейские семьи, добровольно и не очень, садятся на поезда, которые отвезут их куда-то навстречу судьбе, которую Эдит не могла вообразить. Нюсбаумы – пара с двумя детьми, жившая в квартире в одном доме с Эдит, уже несколько недель как уехала. В коридоре первого этажа, под пристальным взглядом консьержа, Эдит наблюдала, как фрау Нюсбаум складывает в шатающуюся тележку потертые кожаные чемоданы и мешки из-под зерна, набитые их самыми дорогими пожитками.

Эдит знала, что Манфред прав, говоря, что отказаться выполнять приказ Фюрера нельзя, но все равно судорожно размышляла, пытаясь придумать, как от него увильнуть. Неужели она так многого хочет – просто вернуться в свою реставрационную мастерскую, свою скромную квартиру, к своему отцу и к своей будущей жизни со своим будущим мужем?

– Ну, – сказал Манфред, натягивая слабую улыбку, – Польша! Может быть, есть в этом и хорошее. Ты своими глазами увидишь шедевры, которые все это время изучала.

⁹ Немецкое ругательство, дословно – «Святой тыфяк!»

3

Эдит

Мюнхен, Германия

Сентябрь 1939

Когда Эдит возилась с замком входной двери своей квартиры, она услышала, как кричит ее отец.

По ее шее побежали мурашки, а по спине словно ударило трамвайным проводом. Она никогда не слышала, чтобы этот рот издавал такие душераздирающие звуки. Она изо всех сил дернула дверь.

– Папа!

В конце концов ключ в замке щелкнул и дверь открылась. Эдит ввалилась в квартиру, чуть не падая. Она бросила свою наплечную сумку, разбросав книги и папки, которые принесла домой с работы. По потертому деревянному полу разлетелись закладки и рукописные заметки. Эдит бросилась по коридору на громкий голос радиодиктора, объявляющего, что войска Германии пересекли реку Вислу на юге Польши. В гостиной она увидела, что ее отец сидит в своем кресле и машет тонкими руками и ногами в сторону склонившейся над ним худощавой женщины.

– Герр Бекер! – Элке, женщина, которая заботилась об отце, когда Эдит была на работе, пыталась поймать старика за руки. Из-под шпилек у нее на макушке прядками выбились волосы. Ее лицо скривилось в недовольной гримасе. Отец Эдит снова попытался, неловко и некоординированно, ударить Элке по голени ногами.

А потом Эдит почувствовала запах мочи и экскрементов, и сердце ее упало.

– Он отказывается идти в туалет! – Элке наконец отпустила руки отца и повернулась к Эдит. – Я не могу заставить его встать со стула!

– Ничего страшного, – сказала Эдит, стараясь говорить как можно тверже. – Давайте я с ним поговорю.

Элке, сдаваясь, махнула руками и отступила на кухню. Эдит прошла через комнату и заставила замолчать разошедшегося диктора, выключив радио.

– Папа.

Эдит села на колени на коврик возле кресла отца, как делала, когда была маленькой девочкой, в нетерпеливом ожидании очередного рассказа о древних графах и герцогинях. Цветочный узор на подлокотниках кресла истерся и износился, а подушка осела и теперь, очевидно, восстановлению не подлежала. Эдит изо всех сил игнорировала вонь.

– Эта женщина... – сказал отец. В его широко раскрытых глазах была несвойственная ему ярость; вокруг затуманенных зрачков виднелась желтая кромка. Эдит услышала, как на кухне течет вода и гремят кастрюлями.

Из его подбородка торчали грубые седые волосы. Эдит представила, что Элке, должно быть, боролась с отцом несколько часов. Герр Бекер теперь почти каждый день отказывался выполнять даже самые простые действия: от смены рубашки до бритья. Загнать его в ванну было практически невозможно; в последние несколько недель он начал необъяснимо бояться

воды. Эдит было жаль Элке, но в то же время она злилась – среди вечно меняющихся сиделок, которых нанимала Эдит, не нашлось никого, кто знал бы, как заставить ее отца сотрудничать. Для этого, как Эдит должна была признать, были необходимы очень много терпения и изрядная доля хитрости.

Из щели между подушкой и корпусом кресла Эдит выкопала Макса – потертую плюшевую собачку, которая в детстве принадлежала Эдит. Теперь Макс был постоянным спутником ее отца; его белый мех потускнел и покрылся пятнами, которые уже не удавалось отстирать.

– Все хорошо, папа, – сказала Эдит и твердо положила руку на его предплечье. Кожа его была в пятнах и морщинах. Второй рукой отец крепко прижал к себе плюшевого зверя. У него за спиной громко тикали швейцарские часы. На полках вдоль стен лежали в беспорядке стопки книг; из каждого тома во все стороны торчали листки бумаги. Пыльные, пожелтевшие страницы научных каталогов и журналов, которые отец когда-то жадно поглощал, теперь лежали брошенные.

– Давай тебя помоем? Мне кажется, к тебе скоро придет гость.

Когда отец услышал эту белую ложь, глаза его загорелись, и Эдит почувствовала укол вины. Никто из друзей отца не придет. Когда отец перестал узнавать их лица и больше не мог вспомнить их имен, они, один за другим, постепенно отдалились. Эдит наблюдала за этим молча, не в силах препятствовать.

Отец уже не мог следить за временем, но Эдит знала, что с их последнего гостя, не считая жениха Эдит, Генриха, прошло несколько месяцев. И даже эти визиты скоро прекратятся. Генрих сядет на поезд в Польшу, в составе новосформированной пехотной дивизии Вермахта. Как только, меньше двух недель назад, по радио и во всех газетах объявили о вторжении в Польшу, Эдит начала, затаив дыхание, молиться, однако повестка Генриху все равно пришла.

Но сейчас Эдит не хотела об этом думать.

В ванной Эдит сунула руку под кран и дождалась, пока вода согрется. Ей в страшном сне не могло привидеться, что так абсолютно разрушится барьер стыдливости между отцом и дочерью. Но что ей оставалось делать? Когда сиделки, которых она нанимала, неизбежно сдавались и отказывались управляться с ее упрямым отцом, кому, как не его дочери, он дорог настолько, что она готова расстегнуть его брюки, промокнуть влажной губкой его плечи, аккуратно провести бритвой по его скулам? Матери Эдит уже пять лет как не было, и в такие моменты ее не хватало как никогда.

– Guten abend!¹⁰

Эдит выглянула из двери ванной и увидела, что в квартиру входит Генрих, приветствуя выходящую в водовороте синего плаща и шляпы худосочную Элке.

Хоть сердце ее и запело при виде жениха, оно одновременно упало от внезапного ухода Элке. Завтра придется идти в агентство и заново начинать поиск сиделки, иначе Эдит не сможет работать в музее и обеспечивать семью.

Генрих чмокнул Эдит в губы.

– Что тут случилось? Воняет как в хлеву.

Эдит прижалась лицом к шее Генриха и долгое мгновение вдыхала его запах.

– Я сейчас его вымою. Прости. Я не знаю, успела ли Элке приготовить ужин. Посмотри на кухне.

Доносящийся из коридора голос жениха дочери выманил герра Бекера из гостиной. Теперь старик стоял в приспущенных штанах, двумя руками держась за дверной проем, и криво улыбался.

– Привет, солдат!

¹⁰ Добрый вечер! (нем.)

Генрих улыбнулся своему будущему тестю и бросился поддержать его. Эдит смотрела, как отец старается крепко пожать ему руку.

– А вас, я смотрю, сейчас будет брить чудесная девушка. Да вы счастливчик!

С облегчением и благодарностью Эдит наблюдала, как Генрих успешно провожает отца до двери ванной.

Эдит как могла вымыла герра Бекера, демонстрируя ему максимум терпения и сострадания. Когда они вышли из ванной – отец был одет в чистую пижаму, – Эдит увидела, что Генрих передвинул испачканное кресло проветриваться у открытого окна и принес с кухни на обеденный стол миску с фруктами и хлеб. Теперь он собирал с пола книги и бумаги, которые она разбросала по полу у входа.

Несколько секунд она смотрела, как Генрих склонился над ее сумкой в тусклом свете коридора – спокойный маяк среди шторма. Он был одет в серую хлопковую рубашку с воротником, что подчеркивала его небесно-серые глаза. Мысль, что скоро Эдит будет стоять на платформе и смотреть, как он, одетый в свежевыглаженную форму, машет ей из маленького окошка поезда, была невыносимой.

– Прости, что нет ужина, – сказала она, опускаясь рядом с ним на колени, чтобы собрать с пола оставшиеся листочки.

– У нас есть хлеб. У нас есть фрукты. У нас есть овсянка – утренняя, разогретая, но все равно полезная. У многих наверняка и этого нет.

Эдит помогла отцу занять его обычное место за обеденным столом и положила перед ним кусок хлеба. Потом она глубоко вдохнула и наконец расслабилась. Она села за стол и начала чистить стареньким ножом яблоко.

– Что это все за бумаги? – спросил Генрих.

– Исследование, – сказала она. – Меня попросили собрать досье на работы старых мастеров в польских коллекциях. Помнишь, я рассказывала тебе, как несколько недель хожу по библиотекам? Сегодня я делала доклад директору.

– Герру профессору доктору Бюхнеру? – Генрих удивленно поднял бровь.

– Да. – Эдит подумала о набитой людьми комнате, о музее Фюрера и о том, что она не представляет себе, как сказать обо всем этом отцу и Генриху, и от страха у нее сжался живот.

– А я думал, что они тебя держат взаперти в дальних запасниках, с кисточкой и химикатами, – сказал Генрих.

Она кивнула.

– Да. Обычно это не мое дело, но герр куратор Шмидт лично попросил меня это сделать. Он сказал, что я обладаю особыми знаниями о картинах эпохи итальянского Возрождения. Ты знаешь, я всегда рада не стоять перед аудиторией, а спрятаться в моем маленьком научном отделе.

Генрих откинулся на стуле и принялся листать один из принесенных ею с собой из музейной библиотеки томов с иллюстрациями. Эдит нервно наблюдала за ним, подбирая слова, чтобы рассказать все Генриху и отцу. Как же ей сообщить им новости? Добравшись до отмеченной закладкой полностраничной репродукции, изображающей женщину с маленьким пушистым зверьком на руках, он замер.

– Леонардо да Винчи, – прочитал Генрих подпись к репродукции. – Портрет «Дама с горностаем». – Он поднял глаза на Эдит. – Что такое «горностаи»?

Эдит пожалала плечами.

– Дамы эпохи Итальянского Ренессанса держали очень разных экзотических питомцев. Горностаи – это что-то вроде хорька.

– Нет, – перебил ее отец, подняв согнутый палец. – Есть разница. Хорьки – это одомашненные животные. Горностаи – дикие. Их мех зимой делается белым.

Эдит с Генрихом переглянулись, а потом рассмеялись над таким описанием герра Бекера. Всякий раз, когда через туман пробивалась искра ясности мышления, когда отец хотя бы на мгновение возвращался к ней, сердце ее замирало.

– Bravo, папа. Я даже не представляла! – воскликнула Эдит, но секундное прояснение прошло, и отец вернулся к вялому поеданию водянистой овсянки. – Это одна из моих любимых картин, – продолжила Эдит. – Да Винчи написал ее еще в молодости, до того, как обрел известность.

– Странный зверек, – сказал Генрих, постукивая пальцем по картине, – но красивая девушка.

Вот этого ей будет больше всего не хватать: вечеров с отцом и Генрихом, разговоров об искусстве. Она хотела вновь услышать уроки отца, случайные обрывки информации, которые он иногда извлекал из пыльных закоулков своего разума – то, что осталось от долгих лет преподавания истории в университете, томов исторических фактов, которые он, вместе со страстью к искусству, передал дочери. Неужели это так много? Она просто хотела смеяться с отцом, ужинать вместе с любимым мужчиной. Она не хотела заниматься поисками еще одной сиделки, которая помогла бы ей с ее беспомощным папой. И больше всего она не хотела считать дни до момента, когда Генрих сядет в поезд. Она отогнала эти мысли, встала и принялась убирать со стола.

Генрих пододвинул к окну еще одно кресло и усадил герра Бекера так, чтобы тот мог смотреть на загорающиеся в окнах напротив, вдоль парка, огни. Он поднял с пола Макса и положил старую потрепанную собачку герру Бекеру на колени. Потом Эдит услышала, как Генрих тихо говорит с ее отцом, рассказывает ему о каких-то забавных происшествиях в продуктовом магазине его отца, рядом с Кауфингерштрассе¹¹. Она знала, что через несколько минут отец ничего этого не вспомнит, но это неважно. Когда Генрих придет в следующий раз, его доброго, знакомого лица будет достаточно, чтобы выманить отца из его кресла.

Совсем недавно Эдит после ужина сидела бы с отцом и слушала его бесстрастное изложение текущих событий, критику жадности и коррумпированности правительства. Эдит задумалась, имеет ли теперь отец хоть какое-то представление о том, что происходит за стенами квартиры. Новые доклады о коррупции. Снос синагог. Конфискация магазинов и квартир, принадлежащих соседям-евреям. Повышение бдительности старших по дому: теперь они, казалось, записывают каждый ее шаг. Мгновенное необъяснимое исчезновение двух сотрудников музея. Немецкие книги изымаются из библиотек и сжигаются на улицах. Новые законы, по которым наказанию подлежат все, кто слушает иностранные радиостанции.

Но больше всего она беспокоилась об исчезновении маленького мальчика с первого этажа. Раньше Эдит каждое утро перед уходом на работу искала сына Нюсбаумов и находила его сидящим в холле, в окружении карандашей и бумаги. Она останавливалась поздороваться с ним, и он показывал Эдит, что нарисовал за день. Она хвалила его и советовала продолжать рисовать. Но однажды он, с его невинным личиком и аккуратными рисунками, не появился. Вся его семья просто ушла, накинув на спины плащи и таща за собой шаткую тележку с пожитками.

Хоть она и старалась сосредотачиваться на подробностях собственных рабочей и домашней жизни, Эдит все же глубоко переживала происходящие в Мюнхене перемены. Сейчас ей больше, чем когда-либо, не хватало комментариев отца о текущих событиях – они дали бы ей ориентир, чтобы хоть как-то разобраться в пугающих изменениях, происходящих вокруг них.

– Эдит?

Она повернулась и увидела, как папа смотрит на нее широко раскрытыми блестящими глазами, будто увидел ее после долгой разлуки.

¹¹ Одна из старейших улиц Мюнхена, известная большим количеством магазинов.

– Да, папа! – со смехом сказала она.

Он протянул ей собаку Макса.

– Полагаю, это твое.

Эдит устала сидеть на глазки-пуговицы, которые мама столько раз за прошедшие годы пришивала и перепришивала. Когда она была маленькой, Макс жил у нее в постели, а когда стала девушкой – был позабыт. Когда однажды, вскоре после смерти мамы, отец, болезнь которого тогда только началась, нашел Макса, он вцепился в него как в любимого питомца.

– Макс, – сказала она и погладила выцветший мех зверюшки. – Но я не хотела бы его потерять. – Она положила игрушку обратно в руки отца. – Приглядишь за ним для меня?

Отец положил потертую плюшевую собачку себе на колени.

– Хорошо, – разочарованно сказал он.

– Я так тебя люблю, папа, – сказала Эдит, сжимая руки отца. Она изо всех сил старалась не дать голосу сорваться.

Когда отец задремал в кресле, Эдит пошла на кухню к Генриху. Тот вытирал старым полотенцем посуду и складывал ее на деревянную полку над кухней.

– Она уже не вернется, да? Женщина в плаще?

Эдит вздохнула.

– Боюсь, что нет. Придется завтра рано утром звонить в агентство. Проблема в том, что он стал таким упрямым! Они же должны быть профессиональными сиделками, но даже не знают, как заставить его делать самые простые вещи! Я не знаю, как быть.

Эдит почувствовала, как Генрих положил ей руку на спину. Она остановилась и опустила голову, уткнувшись лбом в грудь Генриха. Его руки опустились ей на бедра и там замерли. Несколько минут они так и стояли в объятиях друг друга.

– Я не имею права нагружать тебя этим, когда у тебя есть дела поважнее, – сказала она. – Прости.

Эдит уткнулась лицом в его хлопковую рубашку и почувствовала под тканью его худощавую, твердую грудную клетку. Слушая, как громко тикают часы в коридоре, она вдохнула его чистый мужской запах. Как сказать ему, что он – не единственный, кто получил повестку?

– Эдит... – мягко начал он. – Мне назначили дату. Я должен прибыть на Hauptbahnhof¹² через две недели. – Он, должно быть, почувствовал, как она застыла в его объятиях, и помедлил. – Я просто хочу, чтобы ты знала, что что бы ни случилось...

– Тссс, – сказала она, прижимая палец к губам и качая головой; ее светло-коричневые кудри щекотали ей щеку. – Не сейчас. Давай немножко продлим этот момент?

¹² Центральный вокзал (нем.).

4

Чечилия

Милан

Декабрь 1489

– Есть живая. Я чувствую, как она ползет.

– Где?

– Да вот же. У меня за ухом.

Чечилия Галлерани почувствовала, как толстые и мозолистые пальцы матери скользят по ее темным прядям волос, распутывая завитки. Мать зацепила волосок обломанными ногтями и так сильно дернула, что Чечилия прикусила губу. Она услышала, как мать коснулась рукой стоящей рядом маленькой мисочки с разбавленным водой уксусом, на поверхности которого плавали крохотные дохлые белые гниды.

– Поймала?

Раздраженное покашливание. «Она успела проскочить. Будешь ты сидеть спокойно?»

Волна головной боли медленно накатила на лоб Чечилии.

Сколько часов они сидят здесь в свете окна?

Через оконную раму миндалевидные глаза Чечилии всматривались в холодный туман, лежащий густым слоем на внутреннем дворе. Она проследила взглядом за голубкой, вспорхнувшей с голых ветвей на высокий подоконник, откуда открывался вид на пустые симметричные пешеходные дорожки внизу.

Какое странное место этот тяжеловесный неприветливый каменный замок с неприступными башнями и расхаживающими по верхним галереям воинами! Как он далек от сияющих на солнце площадей и шумных оживленных улиц ее родного города!

Когда за день до этого их карета ехала по улицам Милана, Чечилия наблюдала, как плоский и скучный ландшафт внезапно превратился в нагромождение прекрасных зданий и людных улиц. Они медленно пробирались сквозь толчею, и на мгновение ей удалось увидеть остроконечные белые шпили строящегося миланского собора. Мимолетно она увидела горожанок с длинными косами, спрятанными под шелками и прозрачными слоями вуали, обутых в отделанные мехом кожаные сапоги по колено. От дыхания их в холодном воздухе поднимался пар. Чечилию восхитил их странный миланский говор, звучащий резко и отрывисто и в то же время слетающий с губ подобно песне. Она разобрала несколько знакомых слов, но горожанки говорили слишком быстро, и она не могла уловить смысл.

После долгого путешествия они добрались до замка Сфорца на окраине города. Вооруженные копьями и арбалетами стражи опустили мост через ров, и по замку Сфорца через тоннельные ворота в укрепленный внутренний двор гулким эхом разнесся цокот копыт.

– Ай! Я чувствую, она опять шевелится.

Опять раздраженное цоканье языком. Мать грубо провела расческой по ее спутанным волосам.

– Право, Чечилия, я не понимаю, какой в этом смысл. Через несколько дней их все равно надо будет остричь.

– Это еще не решено. – Чечилия ощутила знакомый холодок в животе.

Мать была права. Конечно, все так и есть. Ее старший брат Фацио, мамина величайшая гордость, названный в честь отца и ставший его преемником, дал это понять четко и недвусмысленно. Он уже договорился с Бенедиктинскими сестрами в Сан-Майрицио-аль-Монастеро-Маджоре. Чечилии объясняли, что она должна понимать, как ей повезло. Только благодаря положению, которое занимает при дворе Милана ее брат, тосканский дипломат – положению, которого в свое время так и не удалось достичь ее отцу, несмотря на годы службы просителя в герцогском суде, – у нее появилась такая уникальная возможность. Из-за этого в первую очередь они и приехали теперь сюда, в этот неприветливый дворец.

– Уже скоро, – вполголоса произнесла мать. Чечилия украдкой бросила взгляд на смуглую руку и плечо матери, толстые, как поросята у них дома в Сиене, и почувствовала, как их обеих, сидящих у окна, охватили неловкость и смущение. Просто смешно – ее смуглая толстушка мать сидит здесь среди бледных дам двора герцога. Какое место они обе здесь занимают? В Сиене они высоко держали голову, жена и дочь просителя при миланском дворе. Но здесь, в этом холодном дворце, в резиденции его светлости герцога, Чечилия и ее мать по положению несильно отличались от простых крестьянок. Она была уверена, что видела, как местные дамы в шелковых платьях смеются над ними, прикрываясь перчатками и веерами. Как же быстро изменилась ее судьба!

Всего несколько месяцев назад она считала, что ее ждет совершенно другая участь. Она была помолвлена с Джованни Стефано Висконти – договоренность, заключенная, когда она едва научилась ходить. Это было идеальное решение – как говаривал ее отец, – выдать младшего ребенка, единственную дочь, за Висконти, представителя благородной миланской семьи, имеющей связи с семейством герцога Сфорца. В самом Джованни не было ничего особенного, не больше чем бесхитростная усмешка мальчишки, который еще не успел стать мужчиной. На носу у него была целая россыпь веснушек, а широкие плечи отцовского пальто свисали с его тощего туловища, но Чечилии было достаточно знать, что она обретет безопасность и уверенность, породнившись с уважаемым семейством. В ознаменование договоренности была проведена церемония обручения, столь же законно обязывающая, сколь формальная и бесчувственная. Но Чечилия чувствовала себя защищенной и была довольна этим соглашением. В любом случае общество мальчиков и мужчин было ей не в новинку. Она росла в доме с шестью братьями и привыкла к беспорядочной суете, которую они создавали. Провести остаток жизни в женском монастыре казалось самой скучной участью из всех возможных.

Но вот прошло всего несколько месяцев, как отец был предан земле, и глупость ее братьев проявилась во всей красе. Теперь ее незачем было скрывать. Сообща они спустили все приданное Чечилии, вложили деньги в необдуманные предприятия, проиграли в кости и пропили. Как только это вскрылось, отец Джованни Висконти на глазах у ее братьев сжег брачный контракт у ворот их усадьбы.

После этого почтой ее старшему брату, Фацио, было оправлено письмо, а еще через несколько дней Чечилию с матерью посадили в маленькую карету и с грохотом повезли на север, в Милан, где Фацио обещал все исправить.

– Но я не понимаю, почему должна уйти в монастырь Маджоре, – сказала Чечилия. Эти слова прозвучали по-детски жалобно, и Чечилия сразу же осеклась. Мать дернула ее за волосы несколько сильнее, чем было необходимо.

– Ай! – Чечилия прижала руку к волосам.

– Считай, что тебе повезло, что выпала такая возможность, Чечилия. Мы это уже обсуждали. Монастырь – идеальное место для такой девушки, как ты, – жестко произнесла ее мать, не обращая внимания на вскрик дочери и выпутывая еще один локон из копны волос на ее макушке.

Чечилия хорошо знала все доводы: она образована, бегло говорит на латыни, умеет писать стихи и играть на лютне. Происходит из хорошей семьи.

Как бы прочтя мысли дочери, сеньора Галлерани добавила:

– Ты сможешь заниматься всем тем, что ты любишь: читать, писать, музицировать. Ты останешься чистой и снищешь большое уважение.

– Но я могла бы вместо этого сама найти себе мужа высокого происхождения здесь, в этом замке, – сказала Чечилия. Перед их отъездом в Милан ее братья не только подписали документ, свидетельствующий о расторжении помолвки, но и засвидетельствовали ее девичество – об этом она позаботилась. Она понимала, что как жена она просто находка – о красоте и невинности единственной дочери Фацио Галлерани шептались в Сиене. – Уверена, что я могла бы найти применение моим талантам, держа двор большого дома, а не проводя время в монастырских стенах, где у меня даже зрителей не будет.

Мать скрестила руки на широкой груди и покачала головой. Потом она резко засмеялась так, что у нее затряслись плечи.

– Какая гордыня! Где только моя дочь нахваталась таких возвышенных идей? Будь твой отец жив, выпорол бы тебя сейчас.

Раздался негромкий стук в дверь, и в проеме появилось лицо брата.

– Синьорины, – приветствовал их Фацио легким поклоном, и лицо матери просияло. Она бросила гребень на инкрустированный столик рядом с миской с уксусом и дохлыми вшами, хлопнула в ладоши и сжала ими щеки старшего сына.

– Красавчик мой! – произнесла она, глядя сына так, как глядят по морде любимую лошадь.

Чечилия не могла не признать, что старший – на десять лет – брат в свои двадцать шесть лет действительно превратился в красавца, способного и достойного большего, чем наследие их отца при миланском дворе.

– Все готово для полуденной трапезы, – сказал Фацио.

– Святая Мария! – воскликнула синьора Галлерани, кидаясь обратно к Чечилии, и стала заплетать ее волосы в тугую косу. – Эти проклятые твари нас сильно задержали. – Она быстро перевязала конец косы кожаным ремешком. Чечилия почувствовала, как коса упала ей на спину.

– Фацио, – заговорила Чечилия. – Если я должна жить здесь, в Милане, я хочу остаться в этом дворце, а не в монастыре.

В ответ она услышала громкий смех матери.

– Она продолжает говорить глупости! – сказала мать, подняла гребенку и замахнулась на Чечилию, как будто желая ее ударить. – Надо увозить ее из этого хваленного нагромождения камней, и чем раньше, тем лучше.

Она посмотрела на позолоченный расписной кессонский потолок над их головами.

Фацио рассмеялся:

– О чем ты, девочка?

Чечилия взяла брата под руку.

– Уверена, что с твоим высоким положением здесь, ты можешь найти мне мужа.

– Мужа!

– Да, – подтвердила она, и похлопала его по руке. – Мужа с большим домом и двором полным народу, полным стихов и музыки. – Она не посмела произнести это вслух, но, по правде говоря, в своем воображении видела себя богаче, чище, элегантней, совсем как те дамы, на которых она украдкой смотрела из окна, и жизнь которых могла только представлять.

Чечилия увидела, как что-то дрогнуло в лице ее брата, и он обменялся быстрыми насто-роженными взглядами с матерью.

– Но это уже согласовано с сестрами, – сказал он, нахмурившись.

– Фацио, ты хорошо знаешь, что я могла бы стать одной из самых желанных невест в этих местах. Плюс ты задолжал мне нового мужа после того, что случилось с предыдущим!

На несколько долгих мгновений тишина тяжело повисла в воздухе.

– Бессовестная! – вмешалась мать. – Гордячка! – Она в гримасе поджала губы. – Твой брат ничего тебе не должен! Он уже и так сделал для тебя больше, чем ты заслуживаешь. Остальное увидишь. Всего несколько дней с сестрами, и ты поймешь, что монастырь – подходящее место для тебя, Чечилия. Я тебе уже говорила – я уже говорила этой гордячке, Фацио! – ты сможешь заниматься всем, что любишь. И самое главное – останешься чистой и снищешь большое уважение. Ты окажешь честь нашей семье и будешь молиться о бессмертной душе отца за нас всех.

Ее брат, опытный дипломат, предпочел не вмешиваться. Он протянул свободную руку матери и повел обеих к двери:

– Пойдемте поедим? Боюсь, опять будет рис, но я видел, что повар добавил к нему зерна граната и цитрусовые. Я умираю от голода.

Мать посмотрела на сына с сияющей улыбкой и наконец взяла его под руку.

Но стоило Фацио открыть дверь в коридор, как он резко остановился, загородив собой женщин. Из конца длинного коридора к ним направлялась небольшая толпа. Свита придворных приблизилась, и Чечилия увидела, как ее брат склонился в почтительном поклоне. Они с матерью поспешили последовать его примеру и потупили взгляды на замысловатые узоры на полу. Чечилия услышала шелест шелка по мрамору, но смогла лишь мельком увидеть бархатные перчатки и тапочки, шелковые чулки, отполированные пряжки, прозрачные пучки черного кружева, зеленые и золотые ленты.

Человек, который шел впереди толпы, остановился, и толпа полукругом встала позади него.

– Фацио Галлерани, – произнес этот человек. Из-за спины брата Чечилия увидела только, что это полный темноволосый мужчина, голос у него был таким глубоким, как будто он набил рот галькой.

– Ваша светлость, – произнес ее брат и опустил голову и плечи еще ниже в знак уважения.

– Вы привезли гостей, – сказал глубокий голос, и эти тосканские слова, произнесенные с миланским акцентом, показались ей странными и прекрасными на слух.

– Гости? О нет, Ваша светлость. Это всего лишь моя мать и младшая сестра. Они приехали из Сиены вчера вечером.

– Так поприветствуем же их.

Несколько долгих мгновений прошли в тишине. Чечилия смотрела на мать, та не поднимала глаз от своего платья со все еще вымазанным землей подолом – эта же земля была у нее под ногтями. Не двигаясь, она стояла за спиной сына.

Чечилия протолкнулась вперед брата и оказалась лицом к лицу с человеком, который, судя по всему, был никем иным, как герцогом Милана. Хотя Людовико иль Моро был старше Чечилии по крайней мере вдвое, он все же стоял прямо перед ней. У него было угловатое лицо, впрочем, почти полностью скрытое густо смазанной маслом черной бородой. На груди у него были металл и бархат, а на каждом пальце – кольцо с ярким камнем. Его камзол спереди был увешан эмблемами, которые позвякивали при ходьбе, возвещая о приближении хозяина, как если бы он был дорогим животным. Он метнул на Чечилию быстрый взгляд темных глаз, а потом еще несколько долгих мгновений не отрывался от нее.

Ждал, чтобы она поклонилась?

Но Чечилия не поклонилась. Она встретила глазами его темный взгляд и улыбнулась.

5

Леонардо

Флоренция, Италия

Декабрь 1476

Содомит.

И это все, чем я стал? Итог моей работы? Награда за годы моего обучения у мастера Верроккьо? Все, чего заслужили мои таланты в конструировании осадных машин и других полезных приспособлений для военных?

Отец за меня не вступится; он никогда особенно не старался защитить незаконнорожденного сына, с чего бы ему делать это теперь? А дяди только говорят, что мне надо тщательней выбирать друзей. Они говорят, что я наивен, что мне еще многое предстоит узнать о том, как благородные флорентийские семейства получают надуманные беспричинные обвинения. Но я достаточно пожил, чтобы понимать, что жестокому, ревнивому человеку достаточно подсунуть анонимное обвинение в ящик для доносов синьории – и тебя отправят на виселицу.

Они ничего не докажут, ни про этого портного, ни про ювелира, ни про меня. Они не могут предоставить ни единого доказательства тому, что было нацарапано на куске пергамента и вложено в Уста Истины посреди ночи. А что до этого шаромыжника Сальтарелли, который все это затеял, надеюсь, что стражи ночи его найдут. Может, слухи о том, что он был чем-то большим, чем модель художника, и правдивы, но ведь только ревность, и ничто другое, привела к такому плачевному исходу. Если Сальтарелли не враг себе, он покинет Флоренцию раньше, чем новый донос упадет в ящик для доносов синьории.

Но теперь я понимаю, что и мне пора покинуть Флоренцию. Два обвинения за все эти годы. Я не так наивен, как думают мои дяди.

За пределами этого города для меня, безусловно, найдется честная работа. Найдутся люди, которые заплатят за мои таланты, мои изобретения, мое виденье. Они дадут мне кров и стол.

Лучше всего податься дальше на север, они там всё время воюют. Люди Павии, Феррары, Милана. Да, особенно Милана, где даже в церквях небезопасно. Мы слышали, что в Милане герцога Галеаццо Сфорца зарезали в церкви Санта-Стефано прямо во время службы. А теперь бремя герцогства пало на его едва доросшего до арбалета сынишку¹³. Если кому и нужна моя помощь с военными машинами, то в первую очередь бедному маленькому герцогу Милана.

О случившихся здесь событиях знать никому не надо. Мои чертежи говорят сами за себя. Остается только найти тех, чьи связи простираются за пределы Флоренции. Могущественных людей, которые замолвят за меня словечко. Правильные рекомендательные письма от правильных людей.

Жирная полосатая кошка запрыгивает на мой письменный стол и чуть не расплескивает чернила индиго из чернильницы.

¹³ Джан Галеаццо Сфорца стал герцогом в возрасте семи лет. Регентшей была объявлена его мать Бона Савойская.

Я глажу серые полосы и чувствую довольное урчание в горле зверька, когда она прижимается к моей ладони костлявой головой. Потом кошка сужает в щелочки свои золотистые глаза, и я задаю ей неизбежный вопрос.

«Кто обеспечит мне безопасный выезд из Флоренции?»

6

Доминик

Нормандия, Франция

Июнь 1944

Доминик трясущимися пальцами ковырялся с застежкой каски и пытался собрать в кулак все свое мужество. «Давно пора, – твердил он себе рефреном уже несколько месяцев до прибытия сюда. – Я тут, в конце концов, не просто так, я приехал воевать за правое дело. Нам уже давно следовало вмешаться в это безумие. Сколько жизней удалось бы спасти, если бы Америка и Англия отправили войска несколько месяцев назад? А несколько лет назад?»

Он поймал себя на том, что щупает щетину на подбородке. Доминик ненавидел, когда руки бездельничают. Он с отчаянным нетерпением искал какого-нибудь применения своей нервной энергии, возможности подумать о чем-нибудь, кроме того, как он с тридцатью пятью другими такими же солдатами набились плечом к плечу в катер Хиггинса¹⁴. Каждая накатывающая волна подталкивала катер ближе к берегу – и к врагу. Каждый из сидящих, скрючившись, в десантном отсеке катера солдат был сейчас погружен во внутреннюю битву: игнорировал холодный пот, отгонял, запихивая поглубже, страх.

«Давайте уже покончим с этим, – думал он. – Давайте сделаем правое дело, добьемся справедливости, чтобы можно было вернуться домой».

Небо было таким же серым, как море; мир вокруг был окутан туманом таким густым, что хоть Доминик и знал, что вокруг них десятки десантных судов несут тысячи солдат, казалось, что между нацистами и жизнями, которые они хотят защитить, стоит лишь его маленький взвод. Будто бы их взвод один высадится на «Омаха Бич» и так одним взводом они и встретят свою судьбу.

Не совсем одним. Воздух стал еще холоднее от тени самолета над головой.

Доминик машинально сунул руку между пуговиц форменной рубашки, но дотронувшись до двух жетонов на шариковой цепочке, почувствовал только острую тоску. Медаль Святого Христофора¹⁵ его заставили снять еще в учебном взводе в форте Леонард Вуд в Миссури. Он убрал ее в застегнутый на молнию кармашек своего кожаного бумажника в надежде, что там она в безопасности пролежит до того дня, когда он наконец-то сможет сменить свои жетоны на обожаемого Святого Христофора.

Как скоро все это закончится? Доминик закрыл глаза, ощущая на щеке поцелуй брызг, и представил себе теперь кажущийся бесконечно далеким солнечный день.

Свед-Хилл, Гринсберг, Пенсильвания.

Двадцать два года там была вся жизнь Доминика. Там он вырос, в единственной среди шведов и ирландцев семье «итальяшек». По крайней мере, так все – кто-то шутя, а кто-то с издевкой на лице – называли семью Бонелли.

¹⁴ Американский десантный катер.

¹⁵ Кулон, который носят как символ веры и для защиты в плаваниях и путешествиях, главным образом, католики.

Доминик подумал о маме, о том, как она надела ему на шею Святого Христофора, встав на цыпочки, поцеловала его в щеку и старалась не подавать виду, что волнуется.

«Просто вернись к нам, amore¹⁶».

Там он познакомился с Салли, там же увидел своего первенца. Свою маленькую Чечилию. В жизни Доминика не было ничего тяжелее, чем смотреть, как они машут ему на прощание.

Но Доминик знал, каково это – быть жертвой предубеждений, а кроме того, его миссия была важной. Он не собирался отлынивать от своего долга. Доминик уже три года за утренним кофе следил за заголовками в «Питсбург Пост-Газет». Нацисты разграбили частную собственность и разорили европейские деревни. Они убили сотни тысяч ни в чем не повинных людей, большинство – просто за то, что они евреи. Уже два года в газетах сообщали о многих тысячах согнанных в лагеря смерти по всей Германии, Австрии, Польше. Только в одной Польше больше миллиона, прочитал он. Доминик не понимал, как хоть кто-то может смотреть на это и ничего не делать. Американцам следовало бы начать действовать уже давно, думал Доминик и знал, что многие сослуживцы с ним согласны.

Даже несмотря на то, что прощание с женой и дочерью было самым тяжелым делом в его жизни, он и все окружающие его солдаты были полны решимости встретить врага лицом к лицу и остановить гитлеровский режим. И вот наконец-то, после многих месяцев учений, они были готовы к высадке на берег. Готовы приводить мир в порядок.

«Давайте уже начнем», – думал он, стараясь унять дрожь в пальцах.

Внезапно на их катер налетела волна; резкий толчок и прилетевшие в лицо ледяные брызги вернули Доминика к реальности. Медали с ним больше не было; у него отобрали даже фотографии Салли и крошки Чечилии, но он должен был верить, что Бог с ним, несмотря ни на что. А разве не так?

Когда он шевельнулся, пытаясь перенести вес с онемевшей ноги, на груди звякнули жетоны. На двух одинаковых металлических пластинках была вся самая необходимая информация: Бонелли, Доминик А. Страховой номер. Группа крови: О. Католик. Только сухая суть, без каких бы то ни было подробностей, делавших его человеком.

Так его видела армия. Номер. Пушечное мясо. Один из тысячи безликих людей в бесцветной форме, согнанных, как скот, в тесные катера. Доминик поймал себя на том, что скручивает и раскручивает цепочку, на которой висят жетоны, и трет их друг о друга. Ему опять некуда было девать руки. Тишина перед безумным броском.

Дома он никогда не сидел сложа руки. Когда он не копал уголь на шахтах под Питсбургом, он укачивал свою дочурку и грубым голосом ей пел: иногда бессмысленные нескладушки, которые придумывал на лету, а иногда – старые сицилийские песни, которым его научила бабуля, но никто уже теперь не понимал.

Чечилии было все равно. Она все их обожала; слушала, гулила и тянулась пухлыми ручонками к его лицу. А когда Чечилия засыпала и дом наполнялся тихими звуками оперы из радиоприемника, он брал палочку угля и, пока Салли мыла посуду, садился рисовать. Он часто подумывал нарисовать пейзаж или натюрморт, но в конце концов каждый вечер рисовал идеальные линии ее волос, окружности ее тела. Самой новой из них был наполненный обещанием второго ребенка растущий животик. Рисуя, он все время поглядывал на нее, но знал, что в этом нет необходимости: образ Салли ясно отпечатался в его памяти, навсегда сохраненный в самой глубине его души.

Особенно ее улыбка. Она завладела его сердцем однажды вечером три года назад, когда он после работы в шахтах поднимался по склону холма, возвращаясь домой. Он заметил Салли в саду ее родителей, она собирала яблоки. Завоевать сердце Салли было нелегко. Поначалу она отказывалась впечатляться его глупой болтовней, отказывалась сдаваться его упрямству,

¹⁶ Дорогой, любовь моя (*итал.*).

отказывалась дать себя захватить. Поначалу она заносчиво велела ему проваливать, но за ее дерзостью Доминик заметил улыбку. Дедушка сказал Доминику, что настойчивость всегда побеждает, и оказался прав. Доминик каждый день останавливался по пути домой на ее углу, и однажды она наконец поделилась с ним только что сорванным с дерева яблоком.

К реальности Доминика вернул громкий крик командира. Солдаты вокруг него собрались, приготовившись к высадке, и сердце Доминика выскочило через пятку сапога. Он поднял голову и увидел, что перед ними развернулся серый берег «Омаха-Бич»; туман и водяная взвесь смешались в дымчатую завесу, за которой скрывался страшный враг, притаившийся, как знал Доминик, за дюнами. Он выпустил из рук жетоны и сжал пальцы в замок, чтобы скрыть дрожь. Отдаленные хлопки выстрелов уже заставляли его сердце биться быстрее; он знал, что каждый этот тихий хлопок – это звук летящей к кому-то из солдат на пляже смерти.

– Помоги нам Бог, – сказал солдат рядом с ним. Он увидел, что руки его трясутся и болтовая винтовка дрожит в его пальцах.

Снова зазвучал голос командира:

– Пошли, ребята!

Операция «Нептун».

Доминик смотрел на лицо командира, на то, как шевелятся его губы, но остальные слова утонули в наползающей тени и оглушительном реве самолетных двигателей.

Доминик расплел пальцы и схватился за ствол своей винтовки. На берегу за бортом катера была мешанина выстрелов и спрыгивающих с катеров людей. На организованное нападение это не походило, для Доминика это все выглядело как хаос. В тумане уже блестели вспышки выстрелов.

Доминик смотрел, как приоткрылась, а потом с грохотом, подняв ворох брызг, опустилась аппарель. Весь взвод издал отчаянный боевой вопль. Плечом к плечу они бросились вперед.

7

Леонардо

Флоренция, Италия

Апрель 1482

Думаю, что лучшая конструкция для военного корабля – с трапом, который опускается с носа судна. Что-то вроде баржи. Судно с трапом на петлях, который можно откидывать, когда оно пристанет к берегу, и высаживать на землю солдат неожиданно для врага. Вдохновение для этого замысла снизошло на меня как обычно посреди ночи. У меня почти не было времени перенести его на бумагу, прежде чем я пробежал по мосту до окруженного стеной и полного скульптур сада дворца Медичи.

И вот теперь я наблюдаю, как Лоренцо «Великолепный¹⁷» поглаживает ладонью щетинистую щеку и в задумчивости напряженно сжимает губы в тонкую линию, пока его умные глаза много знающего человека изучают вырванный лист. Мой господин должен понимать, какую пользу такое судно может принести в борьбе с пизанцами. Нет сомнений, что они, при всей своей хваленой доблести в морских сражениях, ничего подобного не придумали.

Не хочу показаться неблагодарным, ибо удостоиться внимания его светлости – уже честь для меня. Но я больше не питаю надежды, что Великолепный закажет мне военную машину. Он не даст мне место за своим столом. Не станет платить мне стипендию или хотя бы комиссионные. Разрешение сделать наброски с древних скульптур в тиши его сада это все, чего я добился за годы попыток. Все, на что я теперь могу рассчитывать, это шанс, что поручительство его светлости поможет мне найти патрона где-нибудь подальше отсюда.

– Да, – говорит мне Великолепный, вкладывая пергамент обратно мне в руку. – Я понимаю, как полезна может быть военному кораблю такая конструкция трапа. Но не в Милане. Как вы убедите в ценности этой идеи человека, рожденного в Ломбардии, правящего обширной, не имеющей выхода к морю территорией, на которой простираются насколько хватает глаз лишь пшеничные и рисовые поля?

Он прав. В конце концов, Людовико Сфорца, которого прозвали «иль Моро» – «мавр¹⁸», – захватил контроль над двором Милана без всяких кораблей. Все, что он сделал – это переманил на свою сторону врагов – и одновременно родственников – одного за другим. Он переманил даже родную мать маленького герцога и ее ближайших, самых доверенных политических и военных советников. И теперь Людовико Сфорца – регент Милана, практически герцог, хоть и не называется так.

– Мы должны быть уверены, что Флоренция останется союзником Милана, – констатирует Великолепный. Я плетусь вслед за ним по длинному проходу, примыкающему к его пышному саду, заполненному древними извлеченными из грязи вокруг Рима статуями.

¹⁷ Лоренцо ди Пьеро ди Медичи «Великолепный», флорентийский государственный деятель.

¹⁸ Людовико Сфорца получил это прозвище еще в детстве за черные глаза и волосы.

– Людовико Сфорца показал себя как весьма могущественный человек, – говорит его светлость. – К четвертому сыну, которому удалось обойти старших родственников, нельзя относиться легкомысленно. Мы должны следить за ним.

– Я могу поехать в Милан от вашего имени, – предлагаю я. – Посмотреть, что из себя представляет этот двор изнутри. Я могу держать вас в известности, мой господин.

Великолепный замедляет свой быстрый шаг и на несколько долгих мгновений останавливается, чтобы рассмотреть нежную белую лилию. На мгновение меня охватывает беспокойство, что он сейчас сорвет этот благоухающий, покрытый росой цветок – лилию, символ нашего города. Но в конце концов он оставляет ее на стебле.

– Да, – говорит он. – Ты вместе с другими. Мы организуем свиту из дипломатов и придворных шутов. Ты передашь Людовико иль Моро подарок от семейства Медичи.

Я задумываюсь:

– Экипаж с защитой. Или колесная катапульта. Мой господин?

– Нет, – отвечает он. – Музыкальный инструмент. Ты создашь лиру.

– Лиру?

Он кивает, его тонкие губы решительно сжаты:

– Принеси мне эскиз лиры.

– Но со всем уважением, мой господин, регенту Милана могут быть больше нужны защитные конструкции, а не музыкальные инструменты. Вы сами сказали, что венецианцы угрожают Людовико иль Моро заговором с востока, а с севера – Франция. Ему угрожает заговор даже внутри его собственного дворца. Я слышал, что его придворные аптекари готовят яды для его ближайших родственников...

Легкий взмах руки, и я смолк.

– Отправишься в Милан со свитой дипломатов и музыкантов. Мои люди позаботятся об этом. Я дам тебе рекомендательное письмо. Тебе остается только сделать лиру.

– А защитные конструкции...

– Если хочешь ознакомить Людовико иль Моро со своими навыками, можешь составить список.

Часть II. Страшная сила

8

Чечилия

Милан, Италия

Январь 1490

Ее песня началась с печальной ноты.

Чечилия чувствовала, как в груди рождается первый звук. Голос дрожал, и она изо всех сил постаралась придать ему твердости. Звук вырос и поднялся, оживая, а затем разошелся по всему огромному приемному залу замка Сфорца.

Встретиться глазами с устремившимися на нее взглядами дюжины гостей замка, раздетых в изысканные наряды, каких Чечилия даже вообразить себе не смогла бы, было невыносимо. Вместо этого ее взгляд пробежался по ветвям вьюна, протянувшимся по серым грубо отесанным камням стены и красным кирпичам оконного проема. За окном Чечилия видела мутные воды рва и дворцовые ворота, которые патрулировал конный стражник с пером на шлеме. Под землей, далеко от высоко расположенного зала, Чечилия вообразила себе лабиринт глубоких ходов, который можно было бы использовать для защиты замка, если его атакуют.

Чечилия начала следующий куплет. Наполняя зал звуками своего голоса, она ощущала знакомое чувство пустоты в груди. Она сосредоточилась на словах. Собравшиеся, конечно же, слышат, как бешено бьется в ее груди сердце? Так же громко, как и звонкие звуки, слетающие с ее губ.

Если бы у нее было больше времени на подготовку, она могла бы сама аккомпанировать себе на лютне или лире, подумала Чечилия. Она могла часами играть, подбирая ноты на слух. Но при дворе Милана так было не принято: эту работу выполнял Марко, придворный музыкант. Он тепло смотрел на Чечилию и играл непринужденно, позволяя пальцам бегать по струнам лютни, как будто бы бездумно.

Воодушевленная спокойной поддержкой Марко, Чечилия посмела теперь посмотреть на толпу. Взгляд ее остановился на брате, его восхищенном лице, открытой улыбке. Она старалась не смотреть на мать, устремившую взгляд на кончики собственных пальцев, которыми она нервно постукивала по коленям. Чечилия продолжила петь каждый куплет с удвоенной силой и точностью.

В монастыре, или вообще где бы то ни было еще, ей никогда не получить такой аудитории, размышляла Чечилия. Это была ее единственная возможность попасть во дворец и с ним – в совершенно иную жизнь. Ее единственный шанс избежать заключения, невообразимой тоски в стенах монастыря. Единственный шанс не провести жизнь с ниткой и иголкой подле матери, которая проведет собственные последние дни за критикой каждого ее стежка. Единственный шанс завоевать сердце мужчины, который может изменить ее судьбу одним взмахом руки. До тех пор, пока она удерживает его внимание. Но Чечилия знала, как говорить с мужчинами и

добиваться своего. «Я обязана этого добиться, – думала она, начиная последний куплет. – Это может стать моей последней возможностью сделать со своей жизнью что-то значительное».

В бесконечной гробовой тишине, следовавшей за песней, брат одобрительно кивнул. Марко положил ладонь на струны, заставляя их замолчать, а потом улыбнулся Чечилии. И тогда зал наполнил внезапный, оглушительный рев аплодисментов. Один из гостей закричал: «Brava!» Еще несколько гостей поднялись со своих мест с выкриками одобрения.

Только тогда Чечилия нашла в себе смелость посмотреть на Людовико или Моро, сидевшего в окружении гостей. Он сидел с высоко поднятой головой, но, несмотря на это, выражение его лица было трудно понять. Его зубы были крепко стиснуты, но он не отводил от лица Чечилии своих темных глаз. И вот она заметила, как он приподнял уголок рта.

Чечилия почувствовала тогда, что ее наполняет опьяняющее блаженство. Звук аплодисментов затих, но блаженство осталось. Она склонилась в неглубоком неловком реверансе.

«Вот, – подумала она. – Я это сделала. В этом мое предназначение. Моя семья. Они увидят. Этот дворец. Этот двор. Этому мужчине. Только руку протяни».

9

Доминик

Северная Франция

Август 1944

Доминику снилось, как Салли наклонилась над ведром, и, с той деловитой силой, которая в ее изящной фигурке всегда поражала его, достала оттуда влажную простыню, и перекинула ее через длинный кусок бечевки, который они когда-то протянули между деревьями. Волосы ее были аккуратно убраны за уши.

– Приветствую вас, мадам, – сказал Доминик, снимая кепку. Он притянул ее к себе, испачкав ее платье потом и угольной пылью.

– Тебе нужно помыться, – сказала она, шутливо наморщив веснушчатый нос, со своим живым ирландским акцентом. Потом она всем телом прижалась к нему и поцеловала с распалюющей страстью.

И тут его сердце будто пронзило льдом: он проснулся. Доминик пошевелился и ощутил суровую реальность: он лежал на нижней койке, от жесткой решетки которой его отделяли будто бы всего полдюйма грязного матраса. Несколько секунд он так и оставался лежать, замерев, в агонии, и только потом осмотрелся по сторонам. Вокруг него его товарищи: кто курил, кто перекусывал сухим пайком, а кто – просто лежал на койке, уставившись в медленно колышущуюся ткань потолка их палатки. Пол был уже влажным от дождя. Неужели с тех пор, как они разбили лагерь, прошло всего несколько часов? Может быть, в этот раз им перепадет роскошь постоять пару дней на одном месте. Доминик давно уже не следил за тем, где они находятся. Франция, Бельгия – какой-то богом забытый уголок сырой, разрушенной войной Европы. Он уже устал от этого похода, но одновременно каждую минуту радовался, что все еще жив, что пережил жесткую высадку на берег и последовавшую за ней жестокую перестрелку.

Остальные не обращали на него внимания. Судя по тихому храпу, доносившемуся с верхней койки, Пол Блэкли, долговязый рядовой из Сан Антонио – его, так же как и Доминика, призвали в военкомате в Кэмп-Гленн и отправили в Нормандию, – все еще спал. Доминик перевернулся к своему маленькому вещмешку и достал оттуда обрывок бумаги – он недавно подобрал его возле офицерской палатки. Кто-то его смял и выбросил, но для Доминика этот листочек, хоть на нем с одной стороны и была напечатана телеграмма, был настоящим сокровищем. К нему несколько дней назад Доминик добыл в сгоревшем лесу, через который они проходили, пригодную для рисования обугленную палочку. Теперь он наконец-то мог воспользоваться и тем, и другим.

Вопроса, что нарисовать, не возникло. Он еще и задаться этим вопросом не успел, когда уголек будто сам начал изображать ее такие знакомые формы. Он нарисовал ее такой, какой больше всего любил: уютно устроившейся на своей стороне кровати, с распущенными волосами, беспорядочно рассыпанными по шее и спине. Даже глядя на черно-белый рисунок, он видел, как локоны Салли горят на подушке ярко-рыжим пламенем.

Внезапно кто-то подошел и резко схватился за рисунок. Доминик инстинктивно дернул листок на себя, но увидев, что в уголке появился маленький надрыв, машинально разжал пальцы.

– Вы только посмотрите! – раздался грубый голос. – И кто же эта красотка?

Доминик вспыхнул и вскочил на ноги. Перед ним возвышался огромный, широкоплечий рядовой Келлерманн. Манеры у него были под стать: как у бухого носорога. Он поднес рисунок к свету и заржал; смех его звучал зло и вульгарно.

– Хороша красотка, Бонелли! Поделиться не хочешь?

Руки Доминика сжались в кулаки. Даже от самой мысли, что на изображение – пусть даже и не слишком похожее – его жены будет пялиться Келлерманн, у него закипела кровь.

– Отдай, – сказал он.

Вокруг уже собрались остальные солдаты: потная, вонючая толпа полуголодных мужиков, месяцами не видевших живой женщины. Реалистичного изображения жены Доминика им было более чем достаточно. Они с воплями и улюлюканьем передавали друг другу рисунок, и с каждым отпечатком грязных пальцев на листочке его кровь кипела все сильнее. Под свист толпы Доминик бросался от одного солдата к другому в бесплодных попытках отобрать свой драгоценный рисунок, но те передавали его друг другу, дразня, прямо у него над головой.

– Прыгай, Макарони! – взвыл один из мужиков. – Попрыгай за свою даму!

Доминик проигнорировал чересчур знакомое прозвище. В конце концов рисунок снова оказался у Келлерманна, и тот, облокотившись о койку, насмешливо поднял листок у Доминика над головой.

– Слышал, что тебе сказали, Доминик? – засмеялся он. – Прыгай!

Доминик не успел ответить, когда неподвижная фигура, лежавшая на верхней койке, неожиданно ожила. Из-под одеял в одно мгновение появилась рука Пола и быстро, но аккуратно выдернула листочек из хватки Келлерманна. Келлерманн в возмущении обернулся и открыл было рот, чтобы запротестовать, но, глядя, как Пол садится на койке, благоразумно замолчал. Хоть сосед Доминика и говорил с гнусавым техасским акцентом, его огромный рост и светло-голубые глаза намекали на скандинавского предка, который сотни лет назад наверняка сжимал в неистовом гневе свой щит на борту драккара. Выражение его лица предупреждало Келлерманна, что сам он сейчас, не задумавшись, поддержит семейную традицию.

– Хватит. – Пол говорил редко, но когда говорил, его слушали. Толпа солдат неохотно разошлась, и остался только Доминик. Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел Келлерманну прямо в глаза, хоть для этого и приходилось поднимать голову повыше. – Это его жена, приятель. Прекрати.

Последовала минута ледяного молчания, а потом Келлерманн зло рассмеялся.

– Ну продолжай марать бумагу, итальяшка, – прорычал он. – А мы пойдем воевать. – Он неуклюже развернулся и пошел прочь, обернувшись, только чтобы плюнуть Доминику под ноги.

Все еще в ярости, Доминик повернулся к своей койке. Пол протянул ему рисунок. Доминик забрал его, сказал: «Спасибо», – и удивился тому, как дрожит его голос. Он расправил листочек огрубевшими пальцами.

Повисла тяжелая, болезненная тишина. Пол ее аккуратно отодвинул:

– Очень хороший рисунок, – тихо сказал он; его техасский акцент как будто смягчил густой воздух между ними. С тех самых пор, как они еще в учебном лагере оказались соседями по койке, Пол был Доминику верным товарищем. Он был одним из немногих из их взвода, кто пережил ту резню на страшных пляжах Нормандии. Неизменное благодушие Пола делало их медленное продвижение по разоренной местности чуть менее невыносимым. Несмотря на огромный рост и спокойствие, Пол быстро двигался и еще быстрее соображал; ловкость, с которой он отобрал у Келлерманна рисунок, проявлялась еще и в карточных играх и фокусах

при свечах. Это бывало очень редко, но Доминик думал, что это не от недостатка долгих стоянок, а потому что высадка на пляж окончательно уничтожила всякое желание играть в игры.

– Я и не знал, что ты рисуешь, Бонелли, – сказал Пол.

Доминик пожал плечом, потом встал и принялся заправлять койку.

– Я с детства рисую. Очень хотел пойти в художественную школу, найти учителя, но что поделаешь? После девятого класса пришлось пойти работать на шахты. А потом были Салли, свадьба, и Чечилия... и война. – Он потрогал шею на том месте, где так подозрительно отсутствовала медаль святого Христофора. – Теперь просто рисую иногда, когда есть время. Меня это расслабляет.

Доминик заметил, что за все время, что они с Полом провели вместе еще с учебного лагеря, они поделились друг с другом лишь краткими, отрывистыми рассказами о своей домашней жизни. И все же, поражался Доминик, время, проведенное вместе перед лицом постоянных опасностей, связало их так, будто они были знакомы всю жизнь. «Так и бывает на войне», – думал Доминик.

Пол мало говорил о своей семье. Доминик знал, что ему не перепало провести много времени с отцом: старый фермер воевал в Первой мировой и вернулся сломленным; с тех пор он больше времени проводил в обществе бутылки, чем собственного сына, и страдала от этого вся семья. Мать Пола одна растила пятерых мальчишек на разваливающейся скотоводческой ферме во время Великой депрессии. Ее сил едва хватало на то, чтобы прокормить сыновей, и на внимание к каждому сил, конечно, не было. Пол о них почти не упоминал, но зато часто упоминал Францину. Ни разу он не назвал любимую девушку красивой, но именно таким было выражение его лица, когда он о ней говорил. От одного только упоминания ее имени он будто бы светился изнутри. Доминику это чувство было знакомо.

– Ты всегда рисуешь жену? – спросил Пол, свесив бледные ноги с верхней койки.

– Как правило, – признался Доминик, и на лице его против воли появилась улыбка. – И всегда портреты. Я нарисовал почти всех вас и отправил рисунки Салли с письмами, чтобы она посмотрела, как вы выглядите. – Он улыбнулся.

– Ну ты хитер! Я знал, что за тобой глаз да глаз! – пошутил Пол. – А кто твой любимый художник?

Доминик опять пожал плечами.

– Когда я был маленький, я ходил в библиотеку и разглядывал репродукции в книгах. Старые мастера: Рембрандт, Рубенс... Но больше всего я любил Леонардо да Винчи. Думаю, ожидаемо: итальянец и все такое.

– Ты когда-нибудь был в Италии?

Доминик покачал головой.

– Мои родители очень хотели оттуда выбраться и начать новую жизнь в Америке. Так что они, пожалуй, скорее американцы, чем итальянцы. У них висит моя фотография в форме на фоне огромного американского флага, в полный рост. – Он усмехнулся, потом попытался поправить грязные и рваные остатки своей формы – теперь жалкого подобия шикарного вида, запечатленного в тот день на фотографии. – Но я бы хотел там когда-нибудь побывать. Увидеть эти шедевры в жизни.

Койка под Полом заскрипела: он снова откинулся на спину. Его голос теперь звучал приглушенно.

– Значит, когда-нибудь побываешь.

Хотел бы Доминик разделять этот оптимизм. Сам он так не мог, но Полу был благодарен. Такие мирные разговоры о чем угодно, только не о войне, были очень редки. Доминик уже сбился со счета в скольких боях они побывали, и после каждого выживание казалось все большим чудом. Сказались ли усилия его маленького подразделения хоть как-то на войне с нацистами? Повлияли ли они вообще хоть на что-нибудь? Даже после того, как он неделями

чудом избегал смерти, Доминик все еще не был уверен. Он знал только, что надо продолжать, не упускать из виду цель: победить в этой войне. Его командиры хвалили его за меткость в стрельбе и самоотверженную защиту других солдат, но он знал, что в живых он остается лишь по воле случая. И, может быть, благодаря молитвам оставшейся далеко за океаном матери.

– Внимание! – Услышав, как у входа в палатку прозвучала эта команда, все до единого солдаты подскочили на ноги с автоматизмом пулеметного огня. Они выстроились в аккуратную шеренгу: ноги вместе, руки по швам, спины настолько прямые, насколько позволяли изнуренные мышцы. В палатку вошел офицер – блестящие звездочки на погонах сообщали, что майор. В мертвой тишине был слышен лишь скрип его сапог в скопившейся на полу палатки слякоти.

Майор прошел вдоль двойной шеренги, изучая имена, вышитые на солдатской форме.

– Блэкли! – выкрикнул он.

Потом его взгляд остановился на Доминике.

– Бонелли! – проревел он.

– Сэр! – Доминик отдал честь.

– Я слышал, у тебя хорошее прикрытие. – Взгляд темных глаз майора был непроницаем. Он поднял бровь. – Пойдемте. Для вас есть дело. Не заставляйте командера ждать.

10

Чечилия

Милан, Италия

Январь 1490

– Пойдемте. Не заставляйте его светлость ждать.

Подмышки Чечилии жгло так, будто ее ужалила сразу дюжина пчел. С неохотой она опять подняла руки. На Чечилии была только льняная сорочка без рукавов, и она позволила Лукреции Кривелли, камеристке, обмахнуть ее подмышки руками. Дюжина платьев – шелковых, атласных и бархатных – была разложена по всей спальне Чечилии.

– Ай! Что это? – Чечилия трижды глубоко глотнула ртом воздух, превозмогая боль.

– Немного негашеной извести, мышьяк, свиное сало. Еще несколько секретных ингредиентов. Любимый рецепт матери его светлости. Еще немного, – сказала Лукреция. – Прочтете дважды «Отче наш» – и все.

– Отче наш, иже еси на небесах... – начала Чечилия, но ее голос дрогнул. Она поежилась от холодного воздуха и зажмурилась от нового ожога.

– Привыкайте. Его сиятельство не любит, чтобы у его женщин были волосы на теле.

Чечилия широко открыла глаза и уставилась на Лукрецию, девушку одного с ней возраста, в задачу которой входило прислуживать Чечилии и помогать с волосами и платьем. Она внимательно взгляделась в широкие карие глаза девушки, пытаясь понять, не издевается ли та над ней.

– Правда? На всем теле?

Лукреция кивнула.

– Теперь сделаем твою *рòтт*. Терпи.

Чечилия не знала миланских слов, но догадалась какая часть тела подвергнется депиляции следующей. Она снова зажмурилась, преодолевая холод и почти невыносимое жжение. Она читала молитву, комкая слова и произнося так быстро, как никогда раньше. Во время молитвы Лукреция легонько постучала кончиками пальцев по подмышкам Чечилии.

Когда Чечилия дважды прочла «Отче наш», Лукреция подошла к очагу, где на огне кипел котелок. Она щипцами окунула в воду кусок ткани, затем отжала и сунула его, дымящийся, Чечилии подмышку.

– Ай!

Холод сменился очередным ожогом. Лукреция грубыми движениями смахнула с обеих подмышек мерзкую смесь, выдернув волосы у корней. Наконец Чечилия смогла уронить онемевшие руки. Она схватила с ближайшего стула коричневую бархатную накидку и набросила на плечи, затем поднесла пальцы к подмышкам. Там пульсировала голая кожа, безусловно гладкая, без единого волоска. Чувство жжения стало более терпимым, но еще не прошло, когда Чечилия подошла к кровати. Она мягким движением погладила стопку платьев. Зеленый атлас. Пурпурный бархат. Красный шелк с черным кружевом и золоченой вышивкой по вороту.

– Они так прекрасны, – сказала Чечилия. Она и правда никогда не видела ничего прекрасней.

– Обьедки. Их еще надо будет подогнать вам по фигуре. Вы – тощий экземпляр, – сказала Лукреция и так сильно сжала руки на талии Чечилии, что та вздрогнула. Лукреция пожалала плечами. – Мы просто достали их из гардероба прошлой возлюбленной.

Повисла долгая пауза.

– Прошлой возлюбленной?

Лукреция кивнула.

– Что с ней случилось?

– О! – нервный смешок. – Она долго не продержалась.

– Почему? – Чечилия опять внимательно посмотрела на Лукрецию, пытаясь понять, не потешается ли та над ней.

– Его светлость быстро от нее устал, – сказала Лукреция, внезапно погрузневшим голосом, но Чечилия была уверена, что это неискреннее чувство. – Если хотите знать мое мнение, это потому, что она слишком много болтала. Но его светлость в любом случае... увлекается... обычно ненадолго. Только маленькая Бьянка и осталась.

– Бьянка?

– Бедная незаконнорожденная малышка. – Лукреция покачала головой. – Но зато хорошенькая. Волосы черные как ночь. Прямо как у отца.

Чечилия плюхнулась в кресло рядом со своей кроватью и плотнее запахнула мантию на плечах. Неужели она вошла в воду, которая вот-вот сомкнется над ее головой? Она задумалась, сколько еще всего важного не знает.

В дверь постучали. Лукреция впустила седую женщину в платье горничной. Служанка что-то сказала на миланском диалекте, обращаясь к Чечилии, затем склонила голову и протянула сложенный пергамент с восковой печатью. Чечилия узнала на пергаменте красивый почерк брата, но заколебалась. Чечилии впервые в жизни кто-то поклонился, а она, к тому же, понятия не имела, что служанка сказала. Старуха встретила взгляд Чечилии и улыбнулась. Лукреция сделала шаг вперед, забрала письмо из рук служанки и отдала Чечилии.

– Письмо для цветочка его светлости.

11

Эдит

Мюнхен, Германия

Сентябрь 1939

Завыл гудок поезда, заскрипели колеса, и Эдит покрепче ухватилась за холодный металл дверного проема. Она прижалась лбом к окну и смотрела, как пара луковичек-куполов мюнхенского Фрауэнкирхе¹⁹ уплывает в вечернюю полутьму.

Вот уже несколько недель она готовилась к тому, чтобы проводить Генриха на поезд в Польшу. Она тысячу раз представляла себе их прощание и самого Генриха – высокого, стройного – в военной форме. Она представляла, как будет бежать в толпе таких же женщин по платформе за отъезжающим поездом.

Никогда в жизни она не представляла себе, что это она будет застегивать пуговицы накрахмаленного форменного кителя, наспех перешитого под женскую фигуру. Что это она будет садиться на паровоз до Кракова и смотреть в окно, а Генрих – бежать по платформе и махать ей рукой, а потом уменьшится и исчезнет из виду, когда поезд уйдет от центрального вокзала Мюнхена на восток. А теперь призывная повестка была у нее в руках. Отказаться от призыва было невозможно. Какой-то клочок бумаги с подписью и печатью, но во власти этого листочка было изменить всю ее жизнь, а если не повезет – даже отнять ее.

За спиной она услышала тихий свист и улюлюканье, от которого по спине побежали мурашки.

– Клаус, смотри-ка! Да тут дамочки! – закричал солдат через плечо кому-то у себя за спиной.

– Прошу прощенья, мадам, – насмешливо сказал он, протискиваясь по узкому коридору поезда мимо стоящей у окна Эдит и прижимаясь к ней намного ближе необходимого.

Это ее нервировало, но она отказывалась снисходить до ответа на грубость. Она отстранилась от окна и свежего воздуха. Открыла дверь в общий вагон и пошла между сидениями. Вагон был набит мужчинами; в основном они были одеты в такие же кители, как и Эдит, но кое-кто был в гражданском. Она смотрела сквозь них, пытаясь обуздать эмоции. Глаза у нее наверняка были красные, а щеки – отекавшие. Идя между сидений и таща за собой свою огромную сумку, она чувствовала на себе чужие взгляды.

Оказавшись в душном спальном вагоне, она наконец-то с облегчением выдохнула. В купе было тесно – два ряда полков – и пусто. Во всех остальных таких купе было по пять или шесть солдат, но ей, как женщине, одной досталось все купе. Она легла на одну из нижних полков и вновь задумалась о Генрихе.

«Пожалуйста, не говорите мне, что вы уже не одна».

Эдит улыбнулась сквозь слезы, вспоминая первые обращенные к ней слова Генриха, два года назад, на баварском фестивале в популярном в Мюнхене «пивном саду»²⁰.

¹⁹ Собор Пресвятой Девы Марии.

²⁰ Пивной ресторанчик под открытым небом.

«Простите?» – переспросила она высокого незнакомца с длинной светлой челкой, который пробился к ней через толпу отдыхающих и имел нахальство так прямо с ней заговорить.

«Вы – красавица, – сказал он. – Я лишь надеюсь, что никто еще не украл вас и у нас всех есть шанс».

Она засмеялась, восхитившись его дерзостью. Эдит всегда считала себя не красивее серой мыши и успела смириться с перспективой провести остаток жизни при отце. Одна только мысль о Генрихе была до сих пор способна заставить ее сердце биться чаще, даже когда она вспоминала об их первых безрассудных днях вместе.

Начало было дерзким, но даже спустя месяцы знакомства Генрих поистине завоевал ее сердце. А когда он пришел к ее отцу просить руки его дочери, сердце Эдит уже навсегда принадлежало ему. Генрих знал, что отец может даже не помнить его имени, но все равно общался с ним с нежностью и уважением.

«Да», – сказал отец, и она знала, что в тот момент не только рассудок его был ясен, но и сердце наполнено счастьем.

За узким окном уже сгущалась тьма, но Эдит переполняла нервная энергия, не давая спокойно лежать на полке. Вместо этого она снова встала, перевернула на бок холщовую сумку и достала оттуда маленький блокнот. Она уставилась на чистый лист. Написать письмо отцу? Поймет ли он, куда она пропала? Вспомнит ли ее вообще?

Фрау Герцхаймер, соседка, с радостью согласилась помогать. Эдит надеялась, что фрау Герцхаймер сумеет заставить отца ее слушаться. Она рассчитывала, что Генрих будет заходить после работы в отцовском магазине и проверять, все ли в порядке, до тех пор, пока и ему самому не придется садиться на поезд. И еще она молилась, чтобы агентство как можно быстрее прислало новую сиделку. Она боялась, что отца отправят в лечебницу; там он может зачахнуть.

Не в силах найти слова для отца, Эдит принялась было писать письмо Генриху, но не могла придумать ничего лучше, чем рассказать, как сильно она уже по нему скучает. Эдит и Генрих отправлялись в Польшу, отдельно друг от друга, оба – пешки в игре куда большей, чем их жизни. При малейшем подозрении имена нашептывались блокфюрерам СС. Соседей-евреев – мужчин, женщин, даже невинных детей вроде сынишки Нусбаумов – в мрачной тишине выводили из домов и толпами увозили, будто бы они не люди, а шахматные фигуры на огромной доске. И мальчишки, едва ли старше четырнадцати лет, маршировали в военной форме, и их голоса звучали по улицам долгим эхом.

«Сегодня Германия наша, а завтра – весь мир».

Эдит, Генрих и, как ей представлялось, тысячи других таких же людей по всему Рейху чувствовали себя беспомощными и не сопротивлялись, боясь последствий.

Найдут ли они друг друга, прибыв в Польшу? И каким увидят они дом, если повезет вернуться живыми?

Эдит надеялась, что письмо поможет ей успокоить нервы, унять тревогу о предстоящем. Вместо этого у нее в голове возник шквал вопросов. Как же все так быстро дошло до такой степени? Почему она не могла, как Манфред, предвидеть планы директоров музея? И как ее – простого реставратора, тихо возившегося в своей подвальной мастерской, – вдруг вытолкнули в самый центр этого конфликта?

Когда у нее выкристаллизовался ответ на этот вопрос, сердце ее замерло.

«Потому что это я обратила их внимание на эти картины». Она почувствовала себя круглой душой из-за того, что вовремя не осознала, о чем именно ее просят. Не поняла, что это значит и какие у ее, казалось бы, безобидного исследования в музейной библиотеке будут последствия.

Эдит достала папку с каталогами произведений искусства, которые, по требованию директоров музея, она должна охранять. Она развязала папку и вновь пролиставла страницы. Наверняка же эти картины – лишь небольшая часть имущества семьи Чарторыйских.

Долистав до репродукции «Дамы с горностаем» да Винчи, она остановилась. «Это я виновата в том, что эти картины в опасности, – подумала она. – Это я виновата, что мы едем отбирать эти картины у Чарторыйских. Вся моя сознательная жизнь была посвящена сохранению произведений искусства. И все же, в одно мгновение, ради того, чтобы выполнить свою работу, я подвергла опасности одни из самых бесценных произведений искусства. Возможно ли как-то возместить нанесенный ущерб?»

Ритм ее мыслям задавали стук колес и клубы пара от паровоза. За окном пролетали кроны деревьев, сливаясь в одну длинную тень.

Разум Эдит искал ответа, искал способ спасти «Даму» да Винчи и остальные картины, которые она, сама того не желая, поставила под огонь. Но, глядя, как рваные силуэты деревьев исчезали, а небо чернело, Эдит чувствовала лишь поселившуюся камнем в груди тяжесть отчаянья. Эти картины тоже стали костями в игре, вышедшей из-под контроля, в последовательности событий, которые Эдит теперь была не в силах остановить.

12

Чечилия

Милан, Италия

Январь 1490

Чечилия запустила цепь событий, которые уже не в силах была остановить. Именно об этом писал ее брат, хотя выразился более витиевато.

Она провела пальцем по сломанной печати на присланном братом Фацио пергаменте – послание оповещало Чечилию о том, что их мать благополучно добралась домой в Сиену. Чечилия гадала, когда мать в следующий раз заговорит с ней сама, если это вообще когда-нибудь случится.

Мать Чечилии поняла, что с той самой секунды, когда ее бесстыжая дочь не поклонилась, но осмелилась выйти вперед и обнажить зубы перед Людовико иль Моро в беззастенчивой улыбке, пути назад не было. Регент Милана отныне будет считать ее своей собственностью. Никто не имеет власти остановить его; тем более такой власти не имеет вдова из Сиены, толстушка в облепленном грязью платье. В конечном счете Чечилии было жаль мать: той ничего не осталось, кроме как завизжать, разбить тарелку, сесть в экипаж и исчезнуть из замка Сфорца в облаке тумана и грязи.

Чечилия полагала, что теперь, когда мать далеко, над этим можно и посмеяться. И она посмеялась немного, тихонько сама с собой. Больше заняться было нечем, пока она сидела, поглаживая свое скользкое шелковое платье в ожидании Людовико иль Моро. Он уже давно должен был быть здесь, но она догадывалась, что у него, кроме как навещать ее в ее новой спальне, есть и другие дела.

Без всяких сомнений, Людовико был занят беседой со своими военными и политическими советниками. Из окна спальни Чечилия видела, как дипломатические ливреи пересекают двор, как развеваются флаги Феррары и Мантуи. Будучи регентом Милана, Людовико постоянно находился под угрозой со стороны Венеции и армии французского короля – это рассказал Чечилии брат. Даже со стороны собственного племянника. Ближайших советников своего племянника Людовико уже отправил на виселицу, как поведала Чечилии горничная Лукреция, пока расчесывала ей волосы при свете свечей. Девушка объяснила, что если ты обладаешь таким могуществом, любой друг может в мгновение ока стать врагом.

Так что Чечилия ждала. Она уже по несколько раз осмотрела каждый дюйм своей спальни. Как много книг здесь было! В шкафу хранились стопки фолиантов, сшитых вместе льняными нитками, длинными пергаментными шнурками и кожаными переплетами. У некоторых томов были жесткие картонные обложки с шарнирными корешками. Она часами изучала коричневые чернила на пергаменте. Нашла даже «книгу секретов для леди», своеобразный сборник рецептов косметических смесей, вроде той, которую она вытерпела по настоянию Лукреции, чтобы удалить все до одного волосы на теле. Она снова и снова рассматривала живописные изображения на стене, оживляющие сюжеты многих из этих книг: древние предания о любви, предательстве, битве, смерти, искуплении. Она брала в руки все стеклянные флаконы и позолоченные шкатулки со стола, смотрела, как утренний туман стелется по саду за окном,

и перемеривала все шелковые и бархатные платья, висевшие в шкафу. Она позволила себе раствориться в груде шерстяного и шелкового постельного белья и задрапированного вокруг высокой кровати балдахина. Из открытого окна доносился аромат риса, обжаренного в сливочном масле с кубиками лука.

– Моя дочь отправляется в монастырь! Все уже решено! – слова матери против воли звучали в ее голове. – Или возвращается со мной в деревню. Либо то, либо другое.

– И что там с ней будет? – спросил Фацио. – Будь я дома с тобой, может, все сложилось бы по-другому, но теперь, благодаря братьям, у нее нет приданного, чтобы выйти замуж в приличную семью. Она станет обычной крестьянкой. Старой девой. Здесь же она получит богатство и статус. Это не навсегда, матушка.

– А какой монастырь примет ее после того, как она потеряет девственность? – с вызовом спросила мать, уперев руки в боки. – Ни один мужчина к ней до сих пор не притронулся! Ты это знаешь не хуже меня.

– Понимаю, это звучит странно, – отвечал Фацио, расхаживая перед вдовой. – Но если Чечилия будет *inamorata*²¹ его светлости, это даст ей более высокий статус, чем она имеет теперь. Даже монашки отнесутся к этому с уважением.

Чечилия увидела, как круглое лицо матери покраснело.

– Я отказываюсь оставить здесь мою дочь с этим... с этим напыщенным низкорослым бычком. – Она подняла руку, как бы показывая рост Людовико иль Моро. – Не слишком ли он много о себе возомнил? Он попользуется ею и выбросит вон. И как мы тогда должны будем реагировать?

Чечилия почувствовала, что краснеет от закипающего в груди гнева. Как они смеют вести себя так, будто ее вообще нет в этой комнате? Как они смеют вести себя так, будто она несмышленный ребенок, у которого нет собственных мыслей? Она может и будет решать за себя сама.

– Я остаюсь здесь, – тихо сказала Чечилия.

– Ты будешь шлюхой! – Тут-то мать и разбила тарелку, швырнув ее на плитку.

– Нет, мама, – ответила Чечилия, стараясь говорить как можно спокойней, – я буду леди. Я буду хозяйкой этого замка. Вот увидите. – На мгновение она заметила на лице брата выражение, похожее на жалость, но не поняла, почему.

Брат сказал ей, что после ее выступления Людовико Сфорца решительно настроен оставить Чечилию у себя. В ней есть что-то, что он не может выразить словами. Ничто не может его удержать.

Фацио недвусмысленно объяснил Чечилии, какой у нее выбор. Он сказал, что существует только две возможности воспротивиться приказам его светлости. Чечилия может решить сохранить свою невинность и вернуться домой с матерью – мысль об этом казалась ей невыносимой. Либо она может присоединиться к сестрам в монастыре Маджоре – вариант, по мнению Чечилии, еще хуже первого, хотя и мать, и брат умоляли ее подумать о нем еще раз. Но если она решит остаться под покровительством его светлости, сказал Фацио, передумать будет уже нельзя. И ей придется, добавил он, принять как данность все возможные последствия. После этого семья уже мало чем сможет ей помочь и, что бы ни случилось, не в их власти будет что-то изменить.

Но для Чечилии было важно только одно. Людовико Сфорца, герцог миланский, хочет ее и может дать ей все, что она только пожелает. В одну секунду он может превратить ее из нищей деревенской девчонки в герцогиню. По крайней мере, так она себе представляла.

Чечилия прошептала: «Я остаюсь».

И все. Решение было принято. И вот теперь она стоит вся в шелке, в этой прекрасной спальне. Она не сомневалась, что находится там, где и должна. Они еще увидят.

²¹ Возлюбленная (*итал.*).

Наконец дверь со скрипом открылась, и Чечилия встала. Она была готова, но в ту секунду, когда его светлость вошел в спальню, почувствовала, как ее решимость поколебалась. Как бы она ни была тверда в своем решении, оказаться с ним наедине в комнате было волнительно. В конце концов, она совсем его не знала. Нельзя было показывать охватившую ее тревогу.

Он медленно подошел. Она видела, как мерцают при свете фонаря его глаза.

– Остаться было правильным решением, – сказал он. – Могу тебя заверить, что награда будет достойной.

– Ваше приглашение – честь для меня, – произнесла Чечилия, опуская глаза.

Его светлость подошел еще ближе, и она почувствовала запах сырости, исходивший от его волос и бороды. Он сделал еще один точно вымеренный шаг – подошел к ней так близко, как никогда не подходил ни один мужчина, не считая ее отца и братьев. И сел, не сводя с нее глаз. Глаза у него были черными как угли, так что она не могла различить зрачки. Она почувствовала трепет в животе, как будто там порхали бабочки. Их лица были на одном уровне.

– Ты прекрасная женщина, – тихо произнес он глубоким голосом, на тосканском наречии, со странным миланским акцентом. Она почувствовала у себя на шее его горячее дыхание и опять сделала усилие, чтобы скрыть, что по спине у нее пробежали мурашки.

Чечилия прочистила горло.

– Еще я образована, – сказала она, делая шаг назад. Она все еще чувствовала себя неуверенно от мурашек, пробегающих по спине, но не хотела, чтобы он понял, какую власть над ней имеет. – Может быть, вы слышали.

Казалось, что она заметила, как он усмехнулся, но в полутьме и с такой бородой она не могла бы сказать наверняка. Мысль о том, что он, возможно, насмехается над ней, привела ее в ярость, и она отступила еще на шаг.

– Расскажи еще, – сказал он. Она почувствовала, как его пальцы обхватили ее руку и легко скользнули вверх по шелковому рукаву ее платья. Он не сводил с нее жаркого взгляда.

– Я так много могу рассказать, – она надеялась, что он не заметил дрожь в ее голосе. Она жалела, что хоть немного не обучалась дипломатии, как ее брат. Только теперь она поняла, что не знает, о чем можно говорить, а о чем нет, но была уверена, что это важно различать. – Я умею читать и писать на латыни. Отец позаботился о том, чтобы у меня был хороший учитель. Лучший в Сиене. Я умею считать числа. Пишу стихи. Умею петь – это вы уже знаете. И я играю на лютне и на лире. И на других струнных инструментах... ну, немного... – Не слишком ли она много болтает? Лукреция ее предупреждала.

Людовико слушал ее вполуха. Его рука собирала подол ее юбки, задирая его к бедру.

– То, что я слышал, правда? Ты невинна? Ни один мужчина не трогал тебя раньше? – он говорил едва ли громче, чем шепотом.

Чечилия тяжело сглотнула, будто камень проглотила. Она кивнула. Конечно, ведь для этого она здесь. Это то, что делают возлюбленные, то, ради чего ее оставили в замке и подарили ей все эти красивые вещи. Это было ее решение.

Она еще раз сглотнула и собралась с духом.

– Сколько... сколько вы поставите на то, что я умнее всех женщин в замке? Умнее всех фавориток, которые у вас были до меня?

Он издал громкий смешок.

– Надеюсь на это, – сказал он, и она почувствовала на своей шее его горячее дыхание; его борода щекотала ей подбородок. Она закрыла глаза, она не могла ничего сделать. Жар из его рта обдавал ее кожу, а его руки продвигались выше под ее юбку.

– Я... Я хочу быть хозяйкой этого замка, – выдохнула Чечилия, когда его пальцы пробрались под ее юбки к льняным завязкам нижнего белья. Она знала, что сейчас должно слу-

читься, и в этот момент поняла, что не хочет быть просто фавориткой. Прежде чем он возьмет ее, прежде чем попользуется ею и выкинет, она хотела услышать его ответ.

– Я хочу быть вашей женой, – выпалила Чечилия.

Глубокий смех вырвался как будто из глубины его тела. Он отстранился и посмотрел ей в глаза. В его взгляде было что-то большее, чем огонь, чем жар, но по своей неопытности она не поняла этого до конца.

– Дорогая моя девочка, – сказал он. Затем толкнул ее на кровать и грубо перевернул на живот.

13

Доминик

Восточная Бельгия

Сентябрь 1944

Их внедорожник ехал по сельской местности, и Доминик смотрел по сторонам через открытый борт машины. «Сельская местность» – неподходящие слова, думал он. Наверняка когда-то эта часть Бельгии была прекрасна. Даже сейчас на верхушках деревьев осень начала пробиваться через теплое покрывало позднего лета, обещая грядущее великолепие. Но пейзаж был изуродован все еще дымящимися останками деревенок. Сердце Доминика сжималось от этого вида. Земля была изранена и местами прожжена, поля растоптаны следами танковых гусениц и засыпаны гильзами и обломками техники. Среди изодранных руин стоял фруктовый сад: обугленные ветви деревьев искалечены и переломаны на фоне голубого неба.

Они въехали в развалины, и Пол Блэкли крепче взялся за руль. Машина медленно, с трудом ехала через главную улицу того, что совсем недавно еще было деревней. Стоять осталась только колокольня, но и она едва держалась на полуразрушенном фундаменте. Крест на ее вершине имел такой храбрый и трагический вид, что у Доминика чесались руки его нарисовать. Остальной же город был несколько не живописным. Обугленные и разрушенные стены – вот и все, что осталось от домиков и магазинчиков по обеим сторонам улицы. Они объехали упавший фонарь и двинулись дальше по разбитой дороге.

– Ты только посмотри... – Пол сидел рядом с Домиником и смотрел вперед на опустошенный пейзаж. Ремешок его каски раскачивался в такт движению машины.

Доминик поправил винтовку и пожалел, что не может ее положить – они все еще на недружественной территории, и он должен в любой момент быть готов к бою. Сейчас, спустя три месяца после высадки на «Омаха-бич», бдительность была доведена до автоматизма. Казалось, что нервы его постоянно на пределе, всегда в полной боеготовности. Он хотел бы знать, пройдет ли ощущение, что его всюду караулит враг, хоть когда-нибудь.

Прежде чем выдать Полу и Доминику грузовик в две с половиной тонны, офицер транспортного отдела военной полиции ввел их в курс миссии.

– Это задание совершенно нового рода, – сказал он. – Вы по-прежнему останетесь в охране, но теперь будете работать с отрядом над уникальной задачей. Да, мы воюем с нацистами, но в то же время мы пытаемся сохранить как можно больше от культуры, которая так твердо вознамерилась уничтожить сама себя. – Он обвел рукой развалины вокруг. – Тут всюду, куда ни глянь, исторические памятники и произведения искусства. Все это – бесценные шедевры, которые война может стереть с лица земли, а нам надо постараться спасти не только наши шкуры, но и их тоже.

Доминик заинтересованно наклонился вперед. Во всей своей решимости побить нацистов и просто выжить и вернуться домой к семье, он даже не задумался о том, как война повлияет на искусство и архитектуру.

– Так что нам надо избегать повреждений старых церквей и других памятников архитектуры, – продолжил офицер. – Это должно быть очевидно. Но кроме того, мы занимаемся

поиском картин и скульптур. Нацисты всю войну похищают произведения искусства и уносят их по домам, чтобы продемонстрировать как трофеи.

– В смысле, они их просто оставляют себе? – спросил Пол.

– Ага. Наша разведка сообщает, что некоторые высокопоставленные нацисты украшают картинами да Винчи стены собственных домов.

Офицер замолчал, а Доминик задумался. Он годами читал новости об ужасах в нацистских лагерях смерти, о растущей решимости Гитлера завоевать весь мир. Он чувствовал себя глупцом: ему не пришло в голову, что они еще и берут все, что им хочется, разграбляя завоеванные страны, похищают сокровища, на которые не имеют никаких прав – даже бесценные произведения искусства.

Офицер продолжил:

– Что-то уже уничтожили: или нацисты, или даже мы сами. Ненамеренно, разумеется. Приходится признать, что некоторые разрушения неизбежны, верно? Но президент создал специальную комиссию, программу «Памятники, изобразительное искусство и архивы» – МFAА. «Люди памятников».

– «Люди памятников»... – повторил Доминик.

– В основном это музейщики, историки искусства – кто там в курсе всего этого. Наша задача – защищать эти произведения и отобрать их у нацистских ублюдков, чтобы, когда весь этот кошмар будет позади, вернуть их законным владельцам.

Доминик ушам своим поверить не мог. Как может президент Америки переживать о каких-то картинах и скульптурах, когда тысячи человек расстаются с жизнями? Но в то же время он не мог сдержать любопытства:

– Значит, эти... «Люди памятников»... Занимаются только сохранением искусства? Как же они это делают?»

Офицер пожал плечами:

– Тут нет пошагового руководства. Мы просматриваем данные аэрофотосъемки, отмечаем церкви, мосты и памятники, которые нужно сохранить. Потом мы выезжаем на место и смотрим, что осталось, что можно спасти. Мы уже нашли довольно много известных картин, больше всего портретов великих мастеров: Рембрандта, Тициана – самых-самых.

Доминик в благоговении выпрямился. От перспективы увидеть своими глазами эти шедевры он не мог не испытать восхищенный трепет. Он подумал о том, что работы да Винчи могли быть уничтожены бомбежками и войной или висеть во дворце Гитлера, и задохнулся от ярости.

– Итак, ваша задача – защищать этих самых «Людей памятников», – продолжил офицер. – Они ежедневно подвергают себя риску. Они отправляются за произведениями искусства в самые опасные места, и вам двоим предстоит, пока они работают, прикрывать их спины. Они уже несколько недель как ждут военную полицию и особенно транспорт. И вот мы наконец-то получили разрешение.

Впереди, на выжженном горизонте, блеклые палатки лагеря казались почти такими же уродливыми, как погоревшие дома: ряды одинаковых серо-коричневых палаток, а среди них – всегда готовые к бою танки. Пол заглушил двигатель, и они с Домиником, не выпуская из рук оружия, вышли из машины. Между провисших палаток сновали солдаты, от их формы воняло немытыми телами и порохом. Увидев машину, некоторые заволновались и с надеждой посмотрели на Доминика и Пола. Земля под ногами была истоптана и покрыта гильзами и бычками. Как и все такие лагеря, этот представлял собой контраст жесткой дисциплины – в аккуратных рядах палаток, и беспорядка – в неряшливости изможденных солдат. Но Доминик среди всего этого уже начал чувствовать себя как дома.

К ним подошел офицер, но до вежливости не снизошел.

– Явились, не запылились, – сказал он. – Вон ваш командир, капитан Уолкер Хэнкок. – Он повернулся и пошел в лагерь. Доминик и пол, переглянувшись, зашагали за ним.

Даже с другого конца этого мрачного лагеря Доминик видел, что капитан Хэнкок выделялся, будто породистый жеребец среди ишаков. Он был высоким и стройным, форма элегантно подчеркивала его мускулистую фигуру. Ему бы не униформу, а дорогой костюм и стакан шерри. Острым взглядом голубых глаз он внимательно наблюдал, как Пол и Доминик шли к нему следом за офицером.

– Хэнкок – не просто военный, – сказал им на ходу офицер. – Он еще и какой-то известный скульптор.

Тут, в этой мрачной выжженной местности, этот образованный, утонченный человек выглядел неуместно, но Доминик с ошеломлением осознал, что скорее всего, он тоже был на комиссии²².

Офицер остановился и отдал честь. Пол и Доминик последовали его примеру.

– Новые люди в службу безопасности, сэр.

Хэнкок повернулся и внимательно на них посмотрел, а потом, заметив, видимо, огромные значки военной полиции у них на касках, кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – По дороге на Ахен нам их понадобится много. – Он постучал пальцами по стволу своего оружия. Доминик представил в этих пальцах инструменты скульптора. – Разместите их.

– Да, сэр. – Офицер повернулся, чтобы увести их, но над Домиником одержало верх любопытство.

– Как вы собираетесь искать эти произведения искусства, сэр? – выпалил он. Спрашивая, он смотрел на офицера, боясь встретиться глазами с Хэнкоком, но все знали к кому обращен этот вопрос. Хэнкок лишь поднял бровь и отвернулся.

Офицер спас Доминика от конфуза:

– Над этим с самого начала войны работают профессионалы из Европы и США, – сказал он. – Кураторы музеев и прочие. На основе своих исследований они составили списки произведений и карты мест, где мы можем...

Слова офицера прервал оглушительный грохот, от которого у Доминика по всему телу пошли мурашки. В ближайшую палатку прилетела очередь, и клочки брезента понесло во все стороны. Лагерь наполнился криками и звуками выстрелов, а Доминик словно в замедленной съемке увидел, как Хэнкок поворачивается, а пулеметная очередь врезается в землю все ближе и ближе к нему.

На одних рефлексах Доминик прыгнул вперед и бросился своим коротеньким телом на капитана Хэнкока. Он почувствовал, как у него под ногами от пуль разлетается земля, решительно закрыл собой командира и перекатился в укрытие – за огромное резиновое колесо их грузовика. Пули выли, рикошета о ступицу. Доминик вцепился в винтовку, дождался перерыва в грохоте и открыл ответный огонь. Винтовка больно била его в плечо. Он опустошил магазин, а потом услышал крик, и огонь внезапно прекратился. Прошло несколько долгих секунд, потом раздался шорох шагов, а потом – тишина.

Тяжело дыша, Доминик опустил винтовку. Когда дым рассеялся, он увидел, что на краю лагеря лежат тела двух немецких солдат. Некоторые из солдат американских стонали где-то между палаток, а другие бежали через рассеивающийся дым им на помощь. Доминик с облегчением увидел, что среди них бежит к раненым и рослый Пол.

²² Офицеры, имеющие должность, соответствующую званию (например, командиры крупных подразделений), в отличие от повышенных «в поле» офицеров, которые могут иметь должность существенно ниже, так как для получения «комиссии» – командующей должности – необходимо, кроме звания, иметь также соответствующее образование.

Капитан Хэнкок сел, отряхивая форму. У него на щеке было грязное пятно. Широко раскрыв глаза, он уставился на Доминика.

– Вы ранены, сэр? – спросил Доминик, перезаряжая винтовку и осторожно выглядывая из-под прикрытия колеса. В лагере пахло дымом и гарью, как бывает после стрельбы, в смеси с соленой ноткой крови – запах, который Доминик уже знал и ненавидел. Но оба раненых американца двигались и матерились. Это хорошо.

– Нет. – Хэнкок выполз из-за шины. Доминик протянул руку и поднял его на ноги. Хэнкок в ответ так же крепко вцепился в Доминика, посмотрел ему в глаза, и лицо его внезапно озарилось ослепительной улыбкой. Он прищурился, разглядывая имя на форме Доминика.

– Бонелли, да? – Он крепко пожал Доминику руку. – Добро пожаловать.

14

Эдит

Пелькине, Польша

Сентябрь 1939

Каска на голове Эдит была сделана для мужчины. Ей она почти полностью закрывала глаза, а металл гремел, ударяясь о кости ее черепа в ритме подпрыгивающих на неровной дороге колес Кюбельвагена²³.

Собирая копии документов для директоров музея, Эдит искала Пелькине в пыльном атласе, который нашла на полках музейной библиотеки. Прежде она ничего не слышала об этом городе, но теперь уверенно провела пальцем по карте до маленькой деревеньки далеко на востоке Польши, рядом с границей России. Она прочитала, что у семьи Чарторийских там много лет было загородное имение. Теперь Эдит сидела, втиснувшись вместе с двумя вооруженными до зубов солдатами на заднее сиденье бежевого автомобиля, который направлялся прямо в это самое имение Чарторийских.

Она сжалась, стараясь занимать поменьше места. Ей повезло устроиться возле высокого борта машины, с него можно было смотреть, как вокруг разворачиваются польские сельские виды. Когда поезд прибыл на вокзал в Кракове, солнце как раз только встало, но Эдит до сих пор еще не видела его лучей: пейзаж вокруг был затянут серой муťou – сочетанием сплошной облачности, пыли от развалин вдоль дорог и грязи, которую поднимали шипованные шины Кюбельвагена. На изгибе дороги Эдит успела увидеть, как следом за ними движется вся остальная колонна немецких машин. Конец колонны виден не был. Она слышала, что полевая жандармерия уже заняла дом Чарторийских. Неужели им нужно еще столько солдат?

На какое-то время виды стали однообразными: множество распаханых, но не засеянных полей, прямые ряды рельсов вдоль дороги. Эдит услышала гудок поезда и повернулась, чтобы посмотреть на проезжающие вагоны. Поезд должен был легко обогнать колонну, но по какой-то причине он двигался медленно – длинная цепочка старых ржавых вагонов еле тащилась по путям. Когда поезд наконец-то догнал Кюбельваген, Эдит увидела, как из одного из узких пыльных окон в стене товарного вагона вяло машет маленькая ручка. Через минуту в окне показалось лицо молодой женщины с темными, впалыми глазами.

Эдит будто ударило молнией, а сердце екнуло. Она вспомнила, как по вокзалу в Мюнхене шли еврейские семьи, сжимая в руках наволочки, маленькие ящички и авоськи со своими самыми дорогими пожитками. Куда ехал этот поезд – в концентрационный лагерь? Поезд наконец набрал скорость, и ручка исчезла из окна. Эдит опустила взор на свои сложенные на коленях руки, понимая, что никогда уже не забудет лица этой женщины и затравленного взгляда ее впалых глаз.

Машина наконец свернула на длинную дорогу, вдоль которой шли английские парки и росли высокие, ухоженные ели. В конце этой дороги Эдит увидела огромный песочного цвета

²³ «Фольксваген-82», самый массовый германский автомобиль повышенной проходимости времен Второй Мировой войны.

дворец. Пелькине. Эдит узнала длинный, симметричный фасад с его окнами и пилястрами, виденный в книгах музейной библиотеки.

Выйти из машины было большим облегчением: там она, хоть и была одета в такую же форму, как и окружающие мужчины, чувствовала себя пленницей. Конвоиры двинулись в сторону дворца, окружив Эдит со всех сторон. Она сняла так утомившую ее каску.

– Фройляйн Бекер. – К их строю подошел офицер и легко нашел ее среди мужчин. – Лейтенант Фискер, – представился он, убрав руку за спину. – Я счастлив видеть, что вы благополучно прибыли. Идемте. Они ждут вас внутри.

Эдит быстро пошла за лейтенантом Фискером; тот осторожно пробрался через строй в несколько десятков солдат и скользнул в центральный вход здания. Внутри тоже были военные, они передвигали мебель. Эдит поспешила, чтобы не отстать от спутника, и все вокруг смешалось в сплошной туман из блеска хрусталя, полированного дерева, серебра и богато разукрашенной обивки.

– Картины мы обнаружили в тайной комнате в старейшей части дома, той, что за древней смотровой башней, – сказал лейтенант Фискер, и Эдит поднялась следом за ним по широкой лестнице навстречу рассеянному свету. – Дверь была скрыта за мебелью.

С каждым шагом Эдит все больше думала о людях, которые бросили свой дом ради безопасности. Она воображала жившую тут семью: как по широким комнатам бегали дети, смеялись, гонялись друг за другом по длинным коридорам. Она представляла себе взрослых на верховых прогулках по густым лесам, на пикниках на лужайке; как они смотрят на звезды по ночам и мирно живут свои жизни.

– Семья... – сказала она, встревожившись. Она не знала, как сформулировать вопрос.

Лейтенант покачал головой:

– Они сбежали до нашего приезда. Их ищет Гестапо.

Эдит накрыла странная смесь стыда и облегчения. Она лично собрала каталог известных картин в собственности этой семьи. Эдит была в ответе за кражу одних из самых ценных произведений искусства в мире, за варварский обыск в этом имении и за конфискацию всего, что в нем было. Одновременно с этим она подвергла опасности жизни людей. А что, если она откажется продолжать? Будет ли и ее жизнь тоже в опасности?

Эдит испугалась, что ее может стошнить. Она не собиралась никого отправлять в изгнание. Она точно не хотела, чтобы из-за нее кого-то убили. Она осознала, что в том, что их тут больше нет, была ее вина. Но задумавшись об огромных масштабах этой операции – целая колонна военной техники, десятки солдат и офицеров, военная полиция, – Эдит осознала, что было уже поздно. Она с головой погрязла в конфликте, бывшем больше ее самой, и не важно, хотела она этого или нет.

Успеет ли семья убежать достаточно далеко и найти укрытие, прежде чем их настигнет Гестапо? Сможет ли вернуться в свой дом? Впалые глаза той женщины в поезде огнем горели в ее памяти.

– Они, видно, думали, что мы идиоты, – сказал лейтенант Фискер, и глаза его светились самодовольством. – Было очевидно, что дверь замурована наспех. Цемент был еще мокрый.

– В стене? – спросила Эдит.

Он кивнул.

– Они много чего спрятали в старой комнате, в которую можно попасть только через узкую дверь, спрятанную за шкафом. Они пытались сделать вид, что это просто стена, но очень получилось плохо. Наши ребята нашли ее за несколько минут.

У Эдит по спине пробежали мурашки.

Лейтенант Фискер повернул за угол, и они оказались в изысканной гостиной. Комната была забита накрытой брезентом и простынями пыльной мебелью и всяческой годами неис-

пользуемой утварью. Посреди этого бедлама лениво ошивались полдюжины офицеров военной полиции. Лейтенант подвел Эдит к дыре в задней стене; кирпичи из нее были наспех выбиты.

– Об этом месте мы узнали от польского каменщика, который замуровывал эту дверь. Он пытался держать все в секрете, но не смог от нас ничего утаить. – Лейтенант Фискер одарил ее еще одной улыбкой.

В комнате стояли длинные столы, и на каждом из них лежали украшения, произведения искусства и деревянные ящики. На одном из столов лежали одна на другой две стопки картин. Эдит задумалась, знают ли эти люди, насколько ценны эти картины и артефакты. Похоже, они обращались с ними весьма небрежно.

– Я не очень разбираюсь в искусстве, – сказал ей Фискер, – Но, по-моему, тут почти музей, – он обратился к охране: – Эта дама – специалист из Старой Пинакотеки в Мюнхене. Обеспечьте ей полный доступ для осмотра работ. Она решит, что из них грузить для перевозки.

Охрана расступилась, и Эдит подошла к столу. Она протянула дрожащую руку и прикоснулась к раме верхней картины в стопке. Это был маленький, потемневший от многовековой пыли пейзаж.

– Полагаю, вы в курсе своих обязанностей. Я оставлю вас с вашей работой, – сказал Фискер. – Только одно еще, Фройляйн Бекер. – Он дотронулся до ее руки и понизил голос. – Следите, с кем делитесь информацией. Наши войска легко берут города, но тут в селах польское сопротивление.

Сопротивление. Что именно это значит? Сердце Эдит заколотилось.

Лейтенант Фискер будто бы прочитал ее мысли.

– Они организованнее, чем думает наше командование в Германии. Кто-то из них может попытаться с вами связаться, чтобы добыть информацию. Это может быть кто-то, кого вы считаете заслуживающим доверия. Не ведитесь на красивые личики, фройляйн. Следите за тем, что вы и кому говорите.

Внезапно они услышали из-за одного из больших ящиков сдавленный выкрик.

– Heiliger Strohsack!²⁴

Все обернулись. Из-за стопок ящиков и рам появился невысокий солдатик в пыльной форме и каске. В руках он осторожно держал завернутый в бумагу пакет; по краям бумага порвалась, и под ней виднелась золоченая картинная рама.

– Смотрите, что я нашел!

²⁴ Мать честная! (нем.)

15

Леонардо

Флоренция, Италия

Май 1482

За воротами Флоренции чувствую, как сотрясаются в колеях дороги колеса кареты. Поддерживаю деревянный ящик, и он бьется о мое бедро.

Наконец-то. После стольких лет попыток добиться расположения двора Медичи, стольких лет поиска покровителя, стольких лет замиранья от страха перед очередным доносом, я наконец-то покидаю Флоренцию, отправляясь навстречу лучшим перспективам.

Позади нас лежат, похороненные на дне одной из этих раскачивающихся повозок с мулами, сундуки, набитые блокнотами, кистями, углем, перьями, красками. Шелковые чулки и халаты, атласные шапки, льняное нижнее белье и моя любимая лиловая бархатная накидка. Мне говорили, что в Милане холодно.

Я смотрю на седовласого мужчину, сидящего на вышитых плюшевых подушках напротив меня. Это один из нотариусов Лоренцо Великолепного. Он скорбным взглядом взирает на то, как за окном кареты высокий терракотовый купол нашего собора становится все меньше. Рядом со мной напевает себе под нос мой прекрасный юный друг, певец Атланте Мильоротти. Великолепный не ошибся с выбором, думаю я. Мы, без сомнений, произведем впечатление на миланский двор. Говорят, что миланцы стараются подражать нам, флорентинцам, в речи и манере одеваться.

Я настоял на том, чтобы взять с собой в карету блокнот и свежую палочку угля – делать наброски всех видов, которые приглянутся мне во время путешествия. И ящик. Конечно его надо было взять в карету! Я сконструировал деревянное вместилище и набил его соломой, чтобы перевезти лиру – дипломатический дар от Великолепного для Людовико иль Моро, регента Милана. Ящик нельзя выпускать из виду.

Сама лира – это просто чудо, скажу без ложной скромности. Я отлил ее из чистого серебра в форме лошадиной головы. Она станет прекрасным аккомпанементом для голоса Атланте; мы уже репетировали много часов и даже выступили перед женщинами двора Медичи. А как же иначе? Если сам правитель Милана попросит меня сыграть, отказать я не смогу.

Кроме лиры в ящике лежит письмо-представление для Великолепного. Это невероятно важное письмо. К сожалению, довольно короткое.

Не могу удержаться от тяжелого вздоха. Если я хочу получить при миланском дворе какие-то существенные заказы, мне необходимо подробно рассказать о своих способностях. Обращаюсь к блокноту, в котором написал письмо. Некоторые части я вычеркнул и переписал. Надеюсь, к тому времени, когда мы доберемся до ворот Милана, список с моими предложениями будет завершен:

*Превосходнейшему правителю Милана, Людовико Сфорца
От вашего покорнейшего слуги, Леонардо да Винчи, из Флоренции
Достопочтенный синьор,*

Достаточно увидев и ознакомившись с достижениями тех, кто считает себя мастерами и изготовителями военных орудий, и отметив, что изобретение и применение данных орудий ничем не отличаются от тех, что используются обычно, я попытаюсь, без всякого намеренья очернить кого-либо другого, рассказать Вашему превосходительству о себе, открыть Вашей светлости мои секреты и предложить их затем в Ваше полное распоряжение; а когда настанет время, привести в действие те из них, какие Вы пожелаете.

Перечисляю часть из них ниже:

1. У меня есть планы маловесных, прочных и легко переносимых мостов, с помощью которых можно преследовать противника и (в определенных случаях) отступать; и других – настолько прочных, что их не разрушит ни огонь, ни вражеская атака, при этом их также легко переносить и устанавливать на нужных позициях. Вместе с тем имеются средства поджога и уничтожения мостов противника.

2. Я знаю, как во время осады откачать воду из рвов и как построить бесчисленно разнообразных мосты, крытые пути, штурмовые лестницы и другое оборудование, необходимое при подобных вылазках.

3. Если высокие берега, укрепление и расположение места делают невозможным использование бомбардировки при осаде, у меня есть способ разрушить любую скалу или любую крепость, даже если она расположена на возвышении или чем-то подобном...

4. Также у меня есть разные пушки, весьма удобные и легко передвигаемые; с ними можно метать град из мелких камней, а дым от этих пушек приведет врага в ужас, введя его в ущерб и замешательство.

5. Если же битва будет на море, у меня есть много машин наиболее эффективных для нападения и защиты. Есть также морские суда, которые смогут противостоять атаке самых больших пушек, пороху и дыму.

6. Кроме того, у меня есть средства, чтобы добраться до нужного места через шахты и секретные извилистые проходы, построенные полностью бесшумно, даже если потребуется пройти подо рвом или под рекой.

7. Я делаю крытые колесницы, безопасные и неприступные, которые пробьют врага и его артиллерию, и ни одно огромное войско не прорвется через них. А за ними, невредимо и беспрепятственно, сможет идти пехота.

8. Также, если возникнет необходимость, синьор, я сделаю пушки, мины и легкие снаряды, очень красивые, функциональные и совершенно необычные.

9. Там, где будет нецелесообразно использовать пушки, я соберу катапульты, баллисты, требушеты и другие редко используемые, но удивительно эффективные орудия. Говоря вкратце, в зависимости от обстоятельств я могу предоставить бесчисленное количество изобретений для атаки и защиты.

10. В мирное же время, могу заверить, я не хуже любого другого могу послужить на ниве архитектуры, в конструировании и публичных, и частных зданий и проведении воды из одного места в другое.

11. Кроме того, возможно приступить к работе над бронзовым конем, который будет служить бессмертной славе и вечной чести светлой памяти его светлости, Вашего отца, и прославлению дома Сфорца.

12. Также я могу ваять скульптуры из мрамора, бронзы или глины. Кроме того, могу писать маслом, и моя живопись выдерживает сравнение с работами любого другого художника, кем бы он ни был.

Если же кто угодно сочтет любое из вышеперечисленного невозможным и невыполнимым, я со всей готовностью предлагаю продемонстрировать навык в Вашем парке или любом другом месте на выбор Вашего превосходительства, которому преподношу свои услуги со всевозможной покорностью.

16

Чечилия

Милан, Италия

Июнь 1490

Чечилия начала сонет уверенным выдохом. Именно так учил ее новый учитель пения – выдохнуть из легких весь воздух низом живота.

Così del tuo favore ho qui bisogno²⁵...

Она вытянула последнюю ноту и перевела взгляд на широкое окно и открывающийся за ним вид. В воздухе витал густой до тошноты летний аромат, как от стеблей цветов, когда их оставляют в вазе и они превращаются в слизь. Над подоконником будто пьяный кружился шмель, упиваясь красными цветами, свешивающимися с окна.

Хотя во время этой репетиции в зале для аудиенций было всего несколько человек, Чечилия старалась петь так, будто он полон придворных. Она сделала глубокий вдох, прислушалась к звучанию арфы и принялась за следующую строку.

*Però mostra a Mercurio, o Anfione,
Che mi 'nsegni narrare un novo sogno²⁶...*

Чечилия подумала, что поет лучше, чем раньше. Ей было жаль, что тут нет брата, что его отправили по приказу его светлости так далеко от Милана. Она знала, Фацио гордился бы ею, восхвалял бы ее таланты, которые так хорошо развились под руководством придворного поэта и музыкантов Людовико иль Моро. И, если говорить по правде, присутствие Фацио придало бы ей смелости, которой так не хватало именно сейчас, когда она репетировала, чтобы спеть перед Людовико, его придворными и полным залом незнакомцев.

Но брата не было, и Чечилия остановила свой взгляд на придворном поэте Бернардо Беллинчионе, седовласом мужчине, который сидел за арфой позади Марко. У Бернардо были яркие глаза и серьезный взгляд, и Чечилия заметила, что его губы едва заметно шевелятся, беззвучно произнося слова песни. Он просто не мог удержаться. Это он, он сам, написал слова этого и многих других сонетов. Она смутилась, но Бернардо подбодрил ее легким жестом. «Продолжай, сага²⁷».

Чечилия провела в обществе Бернардо долгие часы, углубляясь в поэзию, музыку, литературу. Хотя по возрасту Бернардо годился ей в дедушки, если она могла назвать кого-то при дворе герцога своим другом, то только его. Вдвоем они сочинили несколько поэтических и песенных отрывков. Бернардо, как эксперт, был приятно удивлен талантами Чечилии, а ее оча-

²⁵ Я здесь, нуждаюсь в твоей милости... (итал.)

²⁶ Хотя это показывает Меркурию, или Амфиону, что я рассказываю о новом сне... (итал.)

²⁷ Милая (итал.).

ровывала красота его слов и мастерство, с которым он собирал их вместе быстрым росчерком пера.

– Теперь достаточно, – приказал Бернардо, и Чечилия смотрела, как он записывает на пергаменте несколько строк и шепчет себе под нос, на ходу подбирая слова и рифмы. – Дай мне пару минут.

Чечилия оторвалась от страницы с нотами и подошла к окну вдохнуть тяжелый, пропитанный ароматом цветов, воздух. Под окном сидела Лукреция Кривелли. Чечилия полагала, что Людовико – если он вообще задумывается о подобных вещах – считает, что Лукреция может стать для Чечилии подругой, но эту девушку не интересовало ничего из того, что любила Чечилия. Она никогда не задумывалась о музыке, поэзии или мифологии. Казалось, все, что ее интересует, – это наряды и манеры придворных. Если Лукреция не была занята тем, что мучала Чечилию новейшими процедурами для красоты, почерпнутыми из книги женских секретов, она часами просиживала у окна, обмахиваясь веером, или лениво тянула цветные нитки по своей вышивке.

Но Чечилия не собиралась проводить свои дни как праздная придворная. Она хотела большего. Не просто окружить себя талантливыми музыкантами, поэтами и писателями как Бернардо, а самой стать одной из них. Если бы она смогла показать Людовико или Моро и двору, чего она стоит, она уже не была бы просто новенькой игрушкой, которая радует глаз один сезон, а потом так же быстро теряет свою привлекательность. Если бы ей удалось развлечь и впечатлить гостей Людовико своими литературными и музыкальными талантами, он понял бы, что лучше оставить ее рядом с собой на много лет.

– Его светлость не любит арфу, – прошептала Лукреция достаточно громко, чтобы ее услышала Чечилия, но так, чтобы эти слова не долетели до ушей Марко, придворного музыканта.

Чечилия приняла к сведению отзыв Лукреции, а потом задумалась о том, чего еще она может не знать о вкусах Людовико. И подумала, что, если она хочет стать чем-то большим, чем игрушка его светлости, это необходимо поскорее выяснить.

17

Доминик

Под Ахеном, Германия

Октябрь 1944

Доминик увидел на горизонте за лагерем столб пыли, а потом услышал рев двигателей. Пол вздрогнул, проснувшись от тревожного сна. Он сидел на небольшом пяточке пожелтевшей травы, прислонившись спиной к своему рюкзаку. Солдаты подготовили оружие к бою, но когда маленькая колонна подошла поближе, оказалось, что она состоит из американских грузовиков в две с половиной тонны.

Пол и Доминик наблюдали за тем, как машины остановились, и в тот же миг к ним приблизилась стройная фигура капитана Хэнкока. Открылась дверь с пассажирской стороны головного грузовика, и оттуда вышел широкоплечий мужчина с аккуратно стриженными усами и нейтральным выражением лица.

– Сэр! – Капитан Хэнкок отдал честь. Пол и Доминик переглянулись и последовали его примеру.

– Вольно, Хэнкок, – произнес новопривывший. Погоны сообщали, что он лейтенант-коммандер.

Хэнкок показал на него:

– Лейтенант-коммандер Джордж Стаут, – сказал он. – Он наш босс.

Доминик внимательно пригляделся к рослому лейтенант-коммандеру с черными усами.

Вот уже две недели как Доминик вместе с остальными солдатами нервно слонялись по этому лагерю и издали наблюдали, как горит город Ахен. Вокруг не было ничего, кроме дымящихся груд камней. Ночами небо светилось, а днем солдаты глядели, как в небо поднимаются столбы дыма. Всемирно известный центр культуры и искусства – столица Карла Великого – превратился во всего лишь очередной разбомбленный город, издали напоминающий нелепую гору углей от брошенного каким-то беспечным великаном кострища.

За время ожидания Доминик успел набросать портреты солдат, с которыми служил. Рисовал он на обрывках выброшенных телеграмм, обертках от еды и вообще на всем, что подворачивалось под руку. Поймав Доминика за рисованием быстрого наброска того, как он моет из ржавого крана свою фляжку, Пол наконец-то согласился для него позировать.

«Только ради всего святого, никому ни слова, – сказал Пол, и Доминик рассмеялся. – Никогда не хотел быть моделью». Эта подначка выразила некое принятие, и позволила Доминику дозу легкомыслия, которого ему так не хватало, чтобы жить дальше. Ждать дальше. Рисовать дальше.

За несколько дней в лагере собралась небольшая толпа американских и британских журналистов. Никого не спрашивая, они расхаживали в относительной безопасности, будто падальщики, следящие за умирающим зверем. Им не удалось получить транспорт, чтобы попасть на фронт, и все заметно огорчились, когда Пол и Доминик прибыли со всего одним грузовиком. Места для всех там не было, поэтому солдаты и журналисты продолжили ждать

и следить за последствиями битвы. Но теперь, когда на границе лагеря выстроилась колонна грузовиков, возможно, они смогут наконец-то двинуться в путь.

Доминик переступил с одной ноги на другую. Он стоял в карауле, и от громоздкой тяжелой винтовки ныло плечо. Больной дух отражался на больных ногах. Тут командер кивнул Доминику.

– Вы уже заждались. – Он повел головой в сторону грузовиков. – Поехали.

Полу поручили вести машину лейтенанта-командера Стаута, на борту которой большими буквами было написано «Военная полиция» – она была головной. Доминика затолкали в кузов следующей, к уже сидящим там солдатам. Они подвинулись, освобождая для него место. Нескольким пришлось повиснуть на кузове снаружи. Доминик подвинулся, чтобы освободить пространство для кого-нибудь еще, и столкнулся с забившимся в угол низкорослым солдатиком.

– Извини, – автоматически сказал он и поднял взгляд.

К его удивлению, из-под каски на него взирало худое женское лицо. Девушка неловко сидела на корточках и огромными глазами смотрела на набившуюся в кузов толпу вооруженных мужчин, но в ее глазах был огонь, предупреждавший, что обижать ее, пожалуй, не стоит.

– На что пялишься? – спросила она с сильным бруклинским акцентом.

– Простите, мисс. – Доминик почувствовал, что краснеет. – Я не знал...

Она жестом заставила его замолчать.

– Джози Гарретт, «Нью-Йорк Таймс».

Доминик широко раскрыл глаза:

– Вы репортер?

– Ага. Несколько недель бегаю за Стаутом и его людьми. За транспорт на фронт вы ему спасибо скажите.

Двигатель машины с шумом завелся, и Доминика качнуло знакомым движением заднего хода и разворота. Джози вытянула руку и ухватилась за борт, чтобы не упасть. Доминик почувствовал прилив жалости и крепче взялся за оружие.

– Ну так какие новости? – спросил он.

Из-под армейской шинели, которая была велика ей на несколько размеров, Джози достала маленький стенографический блокнот.

– Ну, могу сказать, что в Брюгге украли скульптуру Микеланджело.

Услышать имя Микеланджело в разговоре о военном задании Доминику казалось так же нелепо, как и увидеть в кузове армейского грузовика крошечную фигурку его собеседницы.

– Они украли Микеланджело? – Доминик раскрыл рот. Но если нацисты бровью не вели, уничтожая миллионы ни в чем не повинных людей, то они, наверное, бровью не поведут и воруя знаменитое произведение искусства.

Джози кивнула, копаясь в записях.

– И еще массу всякого почти из всех европейских стран. Они даже украли в Польше Леонардо да Винчи и Рафаэля. Они говорят своим, что союзники нанимают еврейских искусствоведов, чтобы красть все, что представляет художественную ценность. Их послушать – так мы увозим все это в США, в частные коллекции. Врут, конечно. Весь смысл миссии «Людей памятников» – в том, чтобы вернуть произведения их законным владельцам в Европе. Мы с собой ничего не забираем.

Доминик покачал головой.

– Я понятия не имел. И что же они ищут в Ахене?

Она махнула рукой в сторону головного грузовика, как будто лейтенанта-командера Стаута на пассажирском сидении рядом с Полом можно было разглядеть с их места.

– Ну, теперь, когда побоище позади, он надеется, что хоть в церкви что-то осталось. Тут была столица Священной Римской Империи. Но мы не знаем, сохранилось ли там еще хоть

что-то. – Джози пожала плечами. – Мы знаем только, что они заберут все, что смогут. Другие команды «Людей памятников» тоже пытаются сохранять искусство. – Она еще раз полистала блокнот. – Они работают по всей Франции и Италии. Обкладывают мешками с песком Понте-Веккьо во Флоренции. Об этом писал мой коллега в начале недели.

– По-моему, пустая трата времени, – высказался солдат, сидящий напротив. – Защищать памятники – не наше дело. Мы должны собирать то, что осталось, и отвозить все, что можем, в безопасные места. А здания защищать бессмысленно.

– Бессмысленно или не бессмысленно – планы именно такие, – сказала Джози. – Союзники еще и составили по аэроснимкам подробные карты для защиты других памятников.

Пока их машина тяжело катилась в сторону горящего города Ахена, Доминик отрешенно разглядывал руины вокруг. Он знал, что в Битве за Ахен количество погибших с американской стороны исчисляется тысячами, а с немецкой – много большими числами. Согласно докладам разведки, которые к ним приходили, пока они беспомощно смотрели из лагеря на горящий город, бои были тяжелые и тысячи немцев были захвачены в плен. А дальше на восток уже миллионы людей лишились жизни от рук нацистов. И какой сейчас смысл в каких-то картинах и старых домах?

Доминик, конечно, высоко ценил искусство, но людей он ценил намного выше. Он задумался, что чувствовала бы Салли, если бы узнала, что он погиб, защищая какую-нибудь картину или скульптуру. Тысячи жизней. Как далеко разойдутся волны скорби? Перед лицом всего этого какой смысл в их задании? В своем старом взводе он по крайней мере чувствовал, что делает хоть что-то для борьбы с противником. Сейчас же Доминик чувствовал, как его оптимизм бледнеет перед лицом бессмысленного ожидания и зачистки после погрома.

– А еще мы получаем доклады разведки о хранилищах краденого искусства в Германии, – продолжила Джози, наградив солдата взглядом, сполна выражающим нью-йоркский гонор. – Стаут ждет не дождется, когда Германию освободят, чтобы можно было взяться за дело. Он все время на телефоне, пытается собрать на эту работу как можно больше людей. Все, что украли нацисты, должно было куда-то деться, и если мы доберемся до их схронов, мы сможем все забрать и отправить домой.

– А я вам скажу, от дома мало что осталось, – пробормотал солдат рядом с ними. Доминик, глядя на руины Ахена, не мог не согласиться. Не в первый раз он возблагодарил Господа, что Салли и Чечилия были в безопасности в Питсбурге, и взмолился, чтобы война не добралась так далеко. Хотел бы он знать, сколько из законных владельцев этих работ вообще живы.

Едкий запах разбомбленного города делался все сильнее. Все в машине замолчали, в ужасе от одних только масштабов разрушения. Они ехали по узким трамвайным путям: первые несколько миль это была единственная хоть как-то пригодная для передвижения дорога. Машина двигалась с трудом, подсакивая на шпалах. С трамвайных растяжек свисали провода. Ближе к центру города вдоль дороги шли жилые дома. Кое-где Доминик все еще мог разглядеть остатки бывшего великолепия: кусок стены из песчаника, мраморную статую, часть фасада – в трещинах и пробоинах, с покосившимся номером дома и обгорелыми остатками дверного проема. В промышленных районах стен не осталось вовсе – только горы щебня; чьи-то жизни и мечты беспощадно сравнивали с землей. Кроме их колонны в городе не было никого. Где раньше была красота, теперь зияли безликие, зловещие пустыри. Чем ближе к центру, тем меньше было неразбитых окон, пока в конце концов на месте домов не остались только пустые стены. У одной из таких стен лежал на боку поломанный книжный шкаф, а разбросанные по остаткам деревянного пола книги шелестели страницами на ветру.

Джози перестала судорожно писать в блокноте и тихо ахнула, показав на что-то пальцем.

Доминик проследил за ее рукой, она показывала на гору щебня, которую они объезжали. Там лежал ботиночек: маленький, ручной работы; можно было представить, как заботливая

бабушка с любовью его вяжет. Теперь он лежал посреди улицы, в пятнах крови, сажи и известковой пыли. Один из грузовиков их колонны переехал его колесом.

– Смотрите, – сказал кто-то из солдат, махнув рукой вверх. Доминик посмотрел и с изумлением увидел, что одно из зданий – большая старая церковь – было еще цело. Фасад был изрешечен пулями, но шпиль по-прежнему гордо смотрел в небо. Они приближались к старейшей части города, и теперь через дым проступали, одна за другой, церкви – все старые, и все наполовину целые. Доминик понял, что это наверняка дело рук «Людей памятников» с их картами. Если бы не они, церкви наверняка сравняли бы с землей, как и весь остальной город: как жилые дома, принадлежавшие когда-то ни в чем не повинным мирным жителям, которые вовсе не хотели этой разрушившей их жизни войны.

– А выжившие есть? – тихо спросил он.

Сидевший рядом с ним офицер пожал плечами:

– Почти всех гражданских эвакуировали. А что до остальных, то они, наверное, прячутся по подвалам. Если кто-то еще жив.

Доминик представил себе семьи, прячущиеся где-то в пыли и темноте, как они сжимаются в кучки, когда слышат, что над ними проезжают грузовики. Почему их колонна шла к каким-то старым зданиям, когда в подвалах были люди, нуждающиеся в их помощи? Он смотрел на руины Ахена. Внезапно винтовка в его руках показалась ему тонной бульжника.

Они верили, что могут быть героями. Они все думали, что воюют за что-то важное: за свободу и справедливость, за освобождение невинных, за мирную жизнь, в которой их детям никогда не придется сталкиваться с такими же ужасами.

Но с каждым проходящим днем на пути через море, а потом и через Европу, Доминик начал сомневаться, что от него вообще есть хоть какой-то толк. Какой толк в искусстве, кому есть дело до его мнения? И то, и другое ему казалось незначительным. Он прикусил язык, призвал разум помалкивать, уставился стеклянными глазами на брезентовый борт машины и так и ехал дальше в мрачном молчании.

Джози рядом с ним что-то яростно стенографировала. Как бы он ни искал обрывки бумаги и ни мечтал о них, сейчас он подумал, что даже если бы Джози вырвала для него из блокнота чистый лист, он точно не смог бы найти в себе силы что-то написать или нарисовать. Не сейчас.

18

Чечилия

Милан, Италия

Сентябрь 1490

Из постели Людовико иль Моро Чечилия наблюдала за стаяй ласточек, выписывающих неистовые круги за окном. Простыни оставались влажными в напоминание о нескольких часах неги, проведенных ими здесь после полуденной трапезы.

Людовико встал и обернул простыню вокруг талии. Взял себе гранат из плошки на столе. Слуга на кухне заранее сделал надрезы по бокам этого красного плода, чтобы его было проще и быстрее чистить. Чечилия могла только гадать, как и где им удавалось доставать такую роскошь, как гранаты, когда для них еще даже не сезон.

– Гости должны скоро вернуться с охоты, – сказал он, выглядывая в окно. – Надеюсь, ты приготовила им что-то развлекательное на вечер.

Чечилия кивнула. Она приучила себя не говорить, если только Людовико не задаст ей прямой вопрос, и могла догадываться, что это привело к желаемому результату. В последние несколько недель Людовико засыпал ее подарками. Прекрасное новое бархатное платье с позолоченным декольте. Нитка бус из черного оникса, такая длинная, что она могла дважды обернуть ее вокруг шеи.

– Новый сонет мастера Бернардо, – сказал он.

– Да. – Чечилия облокотилась на руку. – Но я думала, вы не любите арфу.

Он обернулся, один уголок его губ приподнялся в усмешке.

– Кто тебе такое сказал?

Она встретилась с ним взглядом.

– Не помню.

– Это правда, для аккомпанемента вокалу я предпочитаю звуки лиры, – сказал он. – Не существует инструмента более приятного моему слуху.

– Запомню это на будущее, – сказала она.

Теперь Людовико открыто улыбнулся и вернулся в постель.

– Мой цветочек... – Он прижался лицом к шее Чечилии, и его жесткая борода защекотала ее верхний позвонок. – Правда в том, что все хотят услышать твой прекрасный голос, и не важно, под аккомпанемент какого инструмента.

– Значит, вы довольны моей работой.

Людовико тихо усмехнулся себе под нос. Схватил ее за длинную растрепанную косу. Чечилия смотрела, как он наматывает ее волосы на кулак, притягивая ее к себе, как на веревке.

– Очень доволен, – сказал он.

– Надеюсь, гости тоже будут довольны. Музыкай.

Людовико опять встал и распахнул ставни.

– Дорогая, – громко объявил он, – твоя слава уже распространилась по всей Ломбардии и за ее пределами. Еще немного, и имя Чечилии Галлерани будет на устах у всех в стране.

Произнеся это, Людовико тяжело плюхнулся на стул и начал чистить гранат. Чечилия опять легла и наблюдала, как он извлекает зернышки из середины плода, и по его руке стекает кроваво-красный сок. Голодная, похотливая улыбка. Потом Чечилия увидела, как он давит языком сладкие зернышки и выплевывает горькую высосанную от сока мякоть на пол.

19

Эдит

Пелькине, Польша

Сентябрь 1939

Умные миндалевидные глаза девушки рассеянно смотрели на свет, как будто ее отвлекла стайка птиц где-то за окном. В руках у ней было маленькое пушистое создание размером с новорожденного младенца, и его стеклянные глазки-бусинки смотрели в ту же сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.